

ЕЛЕНА БУЛУЧЕВСКАЯ

Мир меняющие

КНИГА 1. ТОМ 1

Елена Булучевская

Мир меняющие. Книга 1. Том 1

«Издательские решения»

Булучевская Е.

Мир меняющие. Книга 1. Том 1 / Е. Булучевская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742006-2

Как вы поступите, если будете знать, что случится завтра? А если узнаете свое будущее на месяц? Или на год? Если предначертано нечто пугающее и ужасное... Только точной даты нет... А каково это — знать, что всем вашим близким грозит неминуемая гибель? Может, они и выживут, но их существование станет таким тяжким, что они будут искренне завидовать мертвым... Кто сможет спасти вас от судьбы более горькой и мучительной, чем смерть? Кто сможет изменить себя так, что изменит целый Мир?

ISBN 978-5-44-742006-2

© Булучевская Е.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Астрономова печаль	11
Глава 2. Странствие пастыря Иезекиля	14
Глава 3. Путь рыцаря	26
Глава 4. Лики Виты	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мир меняющие
Книга 1. Том 1
Елена Булучевская

© Елена Булучевская, 2017

ISBN 978-5-4474-2006-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В момент, когда сошлись и выстроились в прямую линию семь звезд, частицы космической пыли, копившейся с начала времен в дальних и близких галактиках, начали с невероятной скоростью слетаться в одну точку. Стягивались, сминаясь в плотный ком. Потом, нагревшись от ударов друг об друга, запылали невероятным жаром, спекающим частицы в ядро планеты, накручивая на нее слой за слоем все, что было рядом. Появилось, выпячиваясь из звездного света лицо Создателя, которое тут же начало распадаться на маски – то темные, то светлые. Через краткий – бесконечный миг появились Семь существ, ярких, как пламя, и светлых, как только что рожденный свет. Через миг появилось еще одно существо, безликое – мрачное, темное – сотканное из пустоты, которое усмехнулось отсутствием лица, уплотнилось, уменьшаясь и становясь все отчетливее. А потом – бабах – исчезло, оставив за собой лишь шлейф звука, шелестящего и затихающего в безмолвии готовящейся к рождению планеты – хррррон – прозвучало, как стон. Семеро светлых объединившись, начали какой-то странный танец, уплотняя, сминая, сжимая, раскатывая. Добавили немного того-сего, прочертили русла рек, углубили и уплотнили почву под моря-океаны, сюда вложили минералы, туда – спрятали металлы. Потом новый взрыв, еще яростнее предыдущих. И вот – родилась планета, названная Зорией, с семью лунами и с семью солнцами. Сначала она была ярко-алой, затем, остывая, стала синезеленой, щедрой и благодатной.

Светлая Семерка с доброй усмешкой смотрела на свое детище. В начале жизни на Зории было жарко и туманно, постоянно моросили дожди, несущие семена будущей жизни, дули горячие ветры, заноса эти семена в глубины материков. Станным был вид Зории в те времена – гигантские травы самых фантастических расцветок, среди которых бродили огромные неведомые твари, перекрикиваясь гортанными звуками. Другие зверюги нападали из зарослей и пожирали зазевавшихся, тех, кто пережевывал траву и листья. В воздухе парила живность всех форм и размеров, летали кровососы, размерами со скалу, нападавшие на все, что только появлялась в поле зрения. Грохотали почвотрясения, лили дожди, промывая овраги, разливали кипящую лаву извергающиеся вулканы. Среди равнин и гористых плато появлялись трещины, которые иногда заполнялись водой, а иногда уширялись и зарастали зеленью, становясь ущельями с круто вздымавшимися отвесными стенами. В ущельях этих творилось нечто и вовсе несообразное – жизнь там развивалась по-своему. Одна из таких трещин в теле Зории поражала своими размерами. Она образовалась среди плодороднейшей равнины, разделив ее. Пересекавшая равнину небольшая речушка попала в западню, ее воды залили долину, стали падать в ущелье небольшими водопадами, скапливаясь на дне, разделились на мелкие ручьи и пропадали в рыхлых почвах, заболачивая их. Ущелье разрослось, его хотелось называть уже так: «Ущелье». Среди всей этого влажно-зеленого полумрака зародились странные существа. Там появились драконы – самых разных невообразимых форм. С крыльями, количеством бывало несоразмерным ни туловищам, ни головам. С многочисленными прожорливыми, иногда беззубыми ртами, изрыгающими огонь, воду, раскаленный металл, пар, воняющие премерзко; а иногда – с громадными клыками, не позволяющими смыкать плотно пасти, из которых капала ядовитая слюна, проедающая камни. Жизнь бурлила. Драконы начали активно бороться за свою жизнь и отвоевывали пространство, поедая своих собратьев, родителей, а порой и потомков. Было их там так много, что, казалось, ими кишмя кишело Ущелье. Драконы изводили друг друга в страшных битвах, морили голодом, не подпуская к пище, изгоняли к бесплодной стороне Ущелья, гадили в источники воды, из которых пили соперники. Сколько мгновений длилась эта бойня, для Богов – миг, для умирающих – вечность. И вот, остались: облачный, ледовый, черный, хромовый, зеленый, красный и серый. Этим тварям была дарована жизнь. Долгие годы бродили семеро гигантских ящеров по Зории, пожирая все и вся, попадающее им на глаза,

сотрясая почву своими шагами. Летая на неизмеримой высоте, паря возле пылающих солнц, затмевая порой их своими крыльями. Не могли даже раскаленные светила нанести этим тварям самый мало-мальский вред.

Странной Зория тогда была, а особенно странным было время. От заката семи лун до заката семи дневных светил иногда проходило более месяца. А иногда солнца, еще яростно пылающие жаром, вмиг оказывались за горами, и наступала темень, и все семь дневных светил прятались в этом крошечном мраке. Время подчинялось тому самому восьмому, исчезающему богу – своевольному и непостоянному, коварному, как и само время, ибо подкрадывалось исподтишка ко всему сущему. Звали его Хроном – он был страшен видом своим. Мрачный, черно-багровый, ужасающие глаза, горящие темным пламенем, вклоченная грива волос, худощав, но мускулист, кожа содрана с живого, обнажив плоть. Сущность его была под стать плоти. На вытянутой голове не было ушей, то есть, сначала они, конечно же, были – огромные, лопухастые, оттопыренные – позволяющие слышать малейший греховный шепот на Зории, чтобы успеть свершить свое черное хроносудие. Но провинился Хрон своими жуткими проделками, заставив гневаться даже уравновешенную Семерку, и уши ему попросту обрезами. Семерка была единоголосна в том, что Хрон должен стать безухим. Даже помогающая в обретеннии и защите жизни Вита голосовала за наказание и заключение в хранилище – так высокомерный Хрон назвал свое обиталище, в котором происходили странные и страшные вещи, и куда ему было позволено забирать своих жертв, которые слишком грешны, чтобы слушать божественный шепот на зеленых лугах. Потом Хрон, криво усмехаясь, сообщил Семерке, что они забрали себе все, что хотели, и посему пришел его черед выбирать себе игрушки. И забрав власть над временем, забрал и власть над снами и грезами, над миражами, которые являются усталым путникам, изнемогающим от голода и жажды, болезни и войны тоже теперь начинались по его повелению.

На Зории пролетела череда сменяющих друг друга эпох. Там, где была вода, выпятились материки, на пески пустынь хлынули потоки влаги. Горы вырастали и разрушались. Все текло, все изменялось. Время иногда сходило с ума, не подчиняясь никаким божественным изменениям, не отвечая ни на какие посулы и обещания. Лишь властелин его, Хрон смеялся, глядя божественной Семерке в лицо, утверждая, что время – такое и есть, что таким они, благословенные боги его создали. В ярости и от непривычного бессилия Боги проклинали любимцев Хрона – драконов, лишили тех надежды на возрождение и преображение, сделали бездушными и подлыми тварями, отняв даже те крохи благородства и разума, которые у них были. А Хрон продолжал смеяться, поднимая свою безухую косматую голову к семи пылающим солнцам.

На Зории наступила благодатная тишь. Боги решили, что любимицу надо защитить от происков зла, от Хрона и его детищ. И если нельзя справиться было со временем, вышедшим из-под контроля, то можно было повлиять на ход событий. Отправили на Зорию своих детей. Потомки – Прим, Аастр, Вита, Пастырь, Кам, Вес и младший сын Торг – благословенные дети Богов создали письмо и книгу Кодексов – что такое хорошо и что такое плохо, а что делать ни в коем случае нельзя. Каждой касте дан был свой Кодекс правил. Зорийские воплощения Великой Семерки стали великими мастерами: правитель, астроном, повитуха, пастырь, каменщик, весовщик, купец. Правитель Примом, основал Мир, сотворив порядок в стране, он владел тайными знаниями. Женой его стала Прима, самая прекрасная и мудрая женщина в Мире, появляющаяся из ниоткуда и исчезающая в никуда, при смене нового правителя. Кровь Примов передавалась не от предков к потомкам – она могла заявить о себе у родителей с другой кровью – в этом было и великое благо и великое проклятье Примов, ибо своих детей зачать они не могли – после появления первого царенка, но об этом чуть позже.

Астрономы, дети Аастра, обладали острейшим зрением и способностями ко всяким наукам. Мужчины этого клана могли иметь детей только с женщинами своего клана. Они изучали звезды; знали счет времени – даже в сезон дождей могли точно сказать, который час;

умело мастерили всякие устройства – для слежения за временем и для наблюдения за светилами, да и к другим устройствам могли приложить руку, делая их совершеннее, а еще могли распознать кровь любого клана. У всех астрономов были необычные глаза: жемчужно-серые с янтарно-желтым, словно бы пылающим зрачком, которыми могли видеть ночью и днем с одинаковой четкостью. Эти глаза могли, не мигая, смотреть на семь светил в зените без ущерба для зрения. Все астрономы были художавы, в еде были совершенно непритворливы; женщины их клана обладали особой привлекательностью, благородством черт и умением вести хозяйство. Повитухи – дочери Виты, великие врачевательницы, первыми встречали появляющихся на свет детей и закрывали глаза умирающим, мужчины становились лучшими охранниками – преданными и верными. Кровники Виты обладали потрясающим осязанием и врожденными знаниями об устройстве человеческого тела. Повитухой же могла быть только женщина, дочь богини Виты. Пастыри – основатели домов, в которых страждущие духом могли возносить свои просьбы и моления. Пастыри заботились о духовном здоровье, обладали исключительным слухом и способностью находить источники воды. Отличались они смирением и спокойствием. Каменщики возводили города, безошибочно определяя место для строительства. За соблюдением законов божественных и мирских следили весовщики – обладатели особого зрения, позволяющего видеть кровь там, где она пролилась, как бы ее не смывали. Весовщики могли судить и миловать, казнить и пытать, хотя пытками редко занимались. Были они неподкупны и спокойны, щедры и великодушны. Самыми жизнелюбивыми и общительными были дети Торга – купцы, которые могли договориться хоть с кем, обладали исключительным глазомером, как и каменщики. Купцы были изобретательны и смелы, склонны к дальним странствиям и к изучению обычаев других народов.

Потом божественное умыло руки, сделав продолжение рода счастьем и мукой одновременно: нетерпеливым ожиданием рождения своих детей. При родах первой Примы была сама праматерь Вита. Впервые царёнок родился, как и положено, в срок у первых Примов. Страшно кричала от боли Прима, вцепившись в руки склонившегося над ней супруга, который мог лишь словами ободрения помочь жене. Вскоре отчаянные крики сменились звонким плачем новорожденного. Счастливый отец потянулся за сыном, но остановился, с ужасом услышав из уст своего только что рожденного первенца странные речи – страшное предсказание всем живущим на Зории. Поначалу передавалось предсказание из уст в уста, а потом было записано и вырезано навеки вечные в потайном гроте Пещеры Ветров. Оно гласило: «Когда сойдутся в парадном шествии семь звезд, появятся семь бездушных зверей. Будут нести звери голод, холод, мрак и безнадежность. Появление тварей означает собой конец времен. Узревшие Драконов не выживут, ибо вид их есть само страшное искушение и проклятие. Когда семеро павших будут обращены, наступит царство темного властелина. Изменить предначертанное невозможно».

Пока младенец все это проговаривал, на стенах пещеры появлялись и пропадали картины странного и страшного для Зории грядущего. Лики хроновых отродий сменяли картины ужасающих катастроф. Когда младенец умолк, глубоко вздохнув, и заснул на руках у потрясенной матери, новоявленный отец хотел убить ребенка, чтобы хоть так оградить себя и близких от зловещего будущего. Но взмолилась юная мать и он не смог отказать. Примы ушли из Пещеры Ветров, шли долго. Семёрка пристально наблюдала за своими детьми – вновь уделяя все свое внимание. Вскоре достигли зорийские Прим и Прима с первенцем на руках горной долины, вольно раскинувшейся на семи холмах. Рядом синели воды чистейшего озера, впоследствии названного Великим Броном. Пришедшие с Примами мастера возвели столицу Мира – благословенную Блангорру.

...Ребенок вырос, и многое изменилось на Зории. От первенца Прима пошла династия великих правителей, кровь которых стала передаваться не от отца к сыну, царенок мог появиться в любом семействе. Прима воплотила в себе прекрасный символ матери всего

народа, у которой не могло быть собственного дитя. Исчезала при смене правителя и возрожда-лась вновь, созданная новым Примом при помощи тайных знаний при передаче власти. Страш-ной стала ответственность повитух при появлении младенцев мужского рода. Если на седьмой минуте начинал младенец вещать проклятие – работа повитух не ограничивалась помощью роженицам, нужно было срочно докладывать рождение говорящего младенца куда следует, в пуп продевать кольцо – чтобы путаницы не случилось. За недонесение этого разговор корот-кий и наказанием могла быть только смерть, причем наказывала себя повитуха сама, лишая жизни своим ритуальным ножом. А царёнок, обязательно мальчик, после первого вздоха, после первого вскрика, еще не вкусив своей первой пищи, должен был сказать великое предсказа-ние – всё целиком. Тогда он становился наследником. В остальном, царята были обыкновен-ными детьми, болели и умирали от неизведанных болезней так же, как и все дети. Но цепочка младенцев-предсказателей никогда не бывала прервана. Если умирал царенок на смену ему на рассвете следующего дня рождался другой, чтобы успеть возмужать до смерти правящего правителя. Сложная штука такое наследование, где кровь Прима себя проявит – не под силу это предсказать было ни повитухам, ни астрономам. Долгое время бились они изучая примову кровь, но ничего не получилось. Младенец говорил предсказание на седьмой минуте своего существования – не раньше и не позже. Повитухи при помощи в астрономов соорудили записы-вающую машинку, которыми со временем снабдили каждую повитуху. Приборчик тот выгля-дел черной коробкой, которая фиксировала звуки всего процесса родов. А потом, при помощи читающей коробки в Тайной канцелярии или в храме Виты позволял видеть и слышать все снова. Изменить в записях повитухи не могли ничего, коробочки эти не ломались никогда, изготавливались из темного металла, который бей – не бей, топи – не топи – оставались неиз-менными. К коробкам вскоре привыкли, и народ жить стал спокойнее, зная, что наследник – именно тот, избранный, и цепочка правителей по крови не будет прервана.

После возведения Блангорры Семёрка пожаловала своим детям пару белоснежных кры-латых единорогов, которые через некоторое время породили целый табун. И лишь особым людям и в особых случаях даровали Примы крылатого скакуна. Воровство и убийство едино-рога каралось смертной казнью. Боги вскоре совсем отошли от дел и оставили Зорию своей судьбе на долгие века, не вмешиваясь и не пытаясь ничего изменить. Лишь изредка погляды-вали на свое детище, потому как им было чем заняться и в других уголках вселенных. Погля-дывали потому, что помнили о своем вечном враге – Хроне и его детях.

Постепенно разошлись миряне по своей части Зории – от одного берега океана до дру-гого берега океана, который простирался вокруг всей Зории. Назвали все почвы захваченные государством «Мир». Так записали астрономы, которые вели записи об истории Мира. За оке-анами были другие миры – там обосновались кочевники, какие боги их зародили или откуда они появились – в Мире было неизвестно. Время, подвластное темнобородому так и не стояло на месте: где-то текло размеренно, как река, где-то спешило, как бешеный водопад, а где-то капало, как пересыхающий ручей. Смута была из-за этого великая. На Торговище получался сплошной стыд позор по этой причине – в одно время съезжались торговые люди со всей Зории, а мирские как попало прибывали. Или пастыри решат созвать собрание всех храмовников по поводу пресветлых праздников Светлой Семёрки – ан нет, никто сразу не соберется, все едут по своим хронометрам. Развал, скандалы, ссоры, войны случались из-за этого неравномерного времени. Пока мудрый Прим не издал указ – по всей границе, в назначенных местах установить часовые башни, поселить там племена астрономов, кои должны будут поверять время на хро-нометрах всем желающим, опять же следить за небесными светилами вдали от огней больших городов сподручнее. Приму вручили ключи от семи часовых башен, выстроенных первыми каменщиками. Звездочетам поручили секретную миссию: должны они следить за изменени-ями жизни семи звезд, которые, выстроившись в прямую линию, сигнализировали бы о скором

свершении проклятья. Но впрочем, какая уж секретная – все, что касалось великого предсказания, сразу же становилось явным и известным всем кланам и их семействам.

По высочайшему указу все астрономы обязаны были переселиться в города, которые основать около часовых башен, и начался великий исход астрономов из городов и селений. Много было пролито слез при расставаниях с друзьями, много было сложностей, но постепенно все утряслось и забылось. Теперь уже казалось, что так всегда и было. Что жили астрономы всегда около часовых башен и всегда следили за временем, могли предсказать судьбу по звездам. Не предсказывали ее только себе. Никто и никогда, даже в шутку, даже в детстве, когда был щеглом бесштаным, не пытался предсказать себе судьбу.

На часовых башнях устанавливали металлические короны, усеянные зубцами, с наглухо впечатанными в них огромной величины камнями. В центральный зубец размещали башенные часы. На них время никогда не сбивалось и всегда шло верно. Говорили, что «вот, если будет предсказание сбываться – надо бежать под сени этих башен. Короны – спасение от всех этих пророческих мертвяков и может она время остановить, а то и вспять повернуть». Говорили и подмигивали друг другу. И пойми этих мирян – когда врут, а когда нет. Но Мир – он ведь один, на треть Зории, все остальные – кочевые, почти дикие, а миряне друг друга с полкивка понимали.

Глава 1. Астронома печаль

В астрономовых поселениях кипела жизнь, сновал люд по своим делам. В самих башнях были обсерватории и мастерские астрономов. Они своих отпрысков ничему из ремесла не учили – в крови было все, сызмальства знали. Обучали лишь грамоте и счету, что в помощь основным умениям было, к охоте да рыбалке приобщали – в общем, чему всех ребятишек обучали. Девчонок еще домохозяйству обучали. Дочери астрономов росли на диво статными и красивыми, и все становились со временем отменнейшими хозяйками, женами и матерями. Говорили, что заиметь женой дочь астронома – к хорошей жизни, да только в иные сословия и племена не отдавали они дочерей своих. И пристрастились их воровать кочевники, потом продавали где-то за песками, купцы рассказывали о страшном невольничьем рынке в Крамбаре на Вороньем берегу, откуда никто не возвращался. Их дети, рождавшиеся полукровками, теряли обычно почти все свои навыки, только глаза оставались такими же жемчужно-серыми, с всполохами огня вместо зрачка, как у предков, и время чуяли, как дикие звери – воду. Потом случилось так, что постепенно поселения возле часовых башен начали приходить в упадок. Издавна было заведено распределение обязанностей между мужами и женами у астрономов. Кто за небом следил, а кто вел хозяйство. И теперь, когда исчезли женщины, клан был обречен. Стояли вдоль границы заброшенные часовые башни, полузаросшие всякими ползучими растениями поселения постепенно заносило песком. Астрономы-мужчины, оставшиеся без своих половинок, продолжали исполнять свои обязанности в разрушающихся городах, пока не отправлялись к праотцам. Скоро осталось лишь несколько действующих часовых башен.

Город Турск располагался на самом берегу пресноводного озера Мэйри, знаменитого на всю Зорию своими колоссальными запасами пресной воды. Места были живописнейшие, с одной стороны к Турску, подступал лес, почти целиком состоящий из кипарисов и сосенок, подлесок – сплошь ягодные кустарники. С другой стороны, открытой стороной поселение выходило на озеро, и вода иногда поднималась так высоко, что вплотную подступала к домам. В сезон дождей, когда бесновались бури и ураганы, становилось страшновато, что разъярившаяся стихия смоет даже самую память о городке. Но это же озеро поставляло рыбу и всяких гадов водных, как съедобных, так и не очень, которых там водилось тьма тьмущая. В сезон ветров прибывало к берегам всякие съедобные травы. В теплый сезон на закате семи солнц от красоты, окружающей Турск, щемило сердце. Мелкий песок, усыпавший берег, приобретал светло-желтый цвет, как у перезревших яблок, что во множестве зреют в садах. Тишина, едва слышно плещутся волны о берег, и вода, по которой словно растеклось алое золото, отражает небо, в этот момент приобретающее фантастический розово-золотой цвет. Прибрежные птицы, наоравшись за день, перелетают с места на место бесшумно, лишь иногда слышался посвист крыльев и, кажется, можно услышать шепот песчинок, по которым идешь и вокруг никого... Можно было вообразить себя Примом или Примой – первыми людьми на Зории, и придумывать названия всему, что видишь, словно впервые, именно ты.

Город обычно кишел людом – рыбаки, несущие добычу за день, издалека миряне ехали за предсказаниями, везли всякие часы на поверку, торговали снедью и вещами. Предлагали самые мыслимые и немыслимые вещи – на мену, на продажу, в подарок за хорошее предсказание. Сватались за подрастающих дочерей астрономов, получая неизменный отказ – ибо только астроном мог жениться на дочери астрономов. Порода не вырождалась – семей астрономов в Мире было великое множество. Девиц незаконных, тимантей лишь не было в этом поселении при башне. Каким-то образом прелюбодейки мешали работе астрономов, и посему не допускались они туда. Кому-нибудь если в городе приспичило их услугами попользоваться – в трех днях пути стоял отдельный фиолетово-розовый замок Багрод, в котором и проживали такие девицы. Туда обычно ездили или пешком ходили юнцы, приезжие, да отребье всякое. Астроно-

мов не были среди посетителей этого замка – не слаживалось ничего там у них, да и не тянуло даже к продажной любви. Поэтому самыми верными мужьями в Мире и считались.

Сам замок при башне был тогда полон – астрономы, их жены, ребятишки, начиная от самого малого – лежащего в люльке и заканчивая юнцами с пробивающимся пушком вместо усов и бород, с неожиданно писклявыми голосами, переходящими в бас. Старейшины астрономы, старейшины матери. Прислуга, помогающая женщинам по дому и в садах, ухаживающая за окраинами башни, скотники, садовники, механики, ковали. Много было люда. Как добропорядочного, так и не очень. Случались и поджоги, драки да покражи, то скот падет, то человек пропадет. Весовщики следили за порядком и разбирали всякие тяжбы. Вес-праотец их был с повязкой на глазах, карающим мечом в одной руке и весами в другой, от которого и пошел потом род весовщиков. У них, как и у астрономов, тоже был особый дар – они могли видеть кровь, и если она высохла, даже если ее пытались смыть – в растворах, которые уже не были розовыми. И нюх был феноменальный. Зрение и память тоже неплохими были, но использовались эти особенности для развития потрясающего обоняния – след весовщики чуяли на три дня пути. Боялись их и уважали. Их род был малочислен, ценились услуги дороже денег, неподкупным было все сословие весовщиков – будучи нанятыми для расследования шли до конца, не взирая ни на что. И, когда впервые пропала дочь клана астрономов, был страшный скандал и паника, и глава неподкупных отдал приказ – взяться за расследование пропажи. Ушло донесение во Дворец, были приняты меры. Через два дня исчезли все кочевники и всякая шушера из города, как будто их и не было вовсе. Потом много лет было снова спокойствие и благодать, хотя пропавшую девицу так и не нашли. Но вот случилась засуха. Сезон дождей не наступил, после сезона ветров сразу наступило жара. Снова появились кочевники и стали табором возле башни. В этот раз они были невообразимо наглыми, шустрыми и воинственными. Отсутствие воды подкосило всех, за время своих скитаний выхудал весь табор. У младенцев, рожденных во время засухи, были тонюсенькие, почти прозрачные, ручки, вздутые животы и непомерно большие головы. Весь этот сброд выплеснулся на улицы и загалдел, зашумел. Забегали дочерна загорелые худющие ребятишки, выпрашивая милостыньку; важно вышагивали старейшины, раскуривая длинные тонкие трубки с неизвестными травами, благоухающими на всю улицу. За ними семенили многочисленные жены, укутанные в полосатые ткани, неся поклажу.

То благочиние и спокойствие, которые царили раньше, были разрушены суетливыми, завистливыми и драчливыми пришельцами, которые чуть что – хватались за ножи и сабли. Кочевники были вороваты, и много чужого добра оказалось в их кибитках. Долгие два месяца околачивался табор возле Турска. А когда рано поутру снялись они с долгой стоянки и откочевали на день пути, исчезло и самое дорогое, что было у астрономов – все женщины исчезли, даже только что рожденные. Куда они пропали – навеки осталось тайной. Не было следов на дорогах, все вещи остались на месте. В поселении остались только мужчины. Младенцы мужского полу без матерей начали болеть и почти все ушли к Примам слушать звездный шепот. Горевали астрономы не один год – как птицы, которые только раз в жизни находят себе пару, так и они не смогли более жить без своей половинки, иссыхали от одиночества и тоже уходили к Божественным Примам. Так пришли в запустение поселения астрономов. Впрочем, после той великой засухи, мало, что осталось неизменным. Все ветшало, пустело, покрывалось паутиной. Во многих заброшенных селениях и городах теперь оглашали воздух криками лишь полчища черно-сизых воронов, дома затянули своими серыми сетями большие мохнатые пауки, которые пришли из пустыни во время засухи. Лишь кое-где виднелись обглоданные добела кости неосторожных путников, забредших в такие поселения. В тиши осыпающихся колодцев, в привязанных ведрах притаились паучихи, на стенках колодцев они прикрепляли свои гнезда с маленькими паучатами. Если попытаешься добыть себе воды – это будет твое последнее ведро в жизни, выпить которое ты уже не успеешь. Запустение воцарилось над при-

границной частью Мира. Мало осталось живых, да и те спешили жить, понимая, что скоро и этого не будет.

Но никаких признаков того, что предсказание начинает сбываться, не появлялось. Астрономы, кто еще был жив – не забывали про свои родовые обязанности, следили и жили ради этого. Теперь у них не было наследников по крови, которых не нужно было обучать великому искусству разговора со светилами, присылали из блангоррского Дворца свободнокровых отроков для обучения. Кто был смышлен для этой науки, а кто и не очень. Но уже и отроков присылалось все меньше и меньше. Часовые башни расползались, засыпались песком, зарастали плетушими растениям, уходили в вечность.

Аастр де Астр давно здесь жил – один из выживших астрономов. Здесь – это на краю Мира, в Турске, полусасыпанном серым песком. Он не смог бросить башню, свои часы, телескопы и уйти или исчезнуть, как случилось со многими из его племени. Жил один, хозяйничал, поверял большие часы и часами наблюдал в телескопы небесную жизнь, не желая увидеть там какие-то изменения. Иногда поверял время забредшим селянам и горожанам. Подношениями не гнушался – не выжил бы иначе. Иногда вспоминал, как тут было раньше. Он едва помнил свою мать, которая исчезла, как и многие другие, во времена великого горя астрономов. Он как-то выжил и без матери. Был он сейчас жилист и высок, голову венчала шапка кудрей, таких же густых, как и в молодости, только совершенно побелевших. Жил он здесь сейчас совершенно одиноко. В домах был проведен водопровод, который продолжал действовать и тогда, когда стал разрушаться город. Сначала были еще какие-то люди, которые со временем уходили или умирали. Так Аастр и не заметил, как остался один. Он много времени проводил в лаборатории и в обсерватории, которые были его страстью. При малейшем изменении на небе – отправлял птичью депешу во Дворец Примов, неоднократно напоминая государю об отроке, которого еще должен успеть выучить. Да видимо все отроки больше хотели оставаться при дворе, чем ехать на край Мира, к полусумасшедшему астроному, учиться скучному искусству наблюдения. Время они не чувствовали, таскали с собой хронометры – величиной с хорошую луковицу, по ним и сверяли и поверяли при случае чужие часы. В общем, конечно же, мало кто из отроков подходил для учебы – слишком тупы, но все же лучше, чем никого – кровь угасала. Только вот никого и не было, никто не ехал. И старый Аастр тащил свою жизнь дальше, не позволяя себе задумываться о смерти. Он строго-настрого приказал себе жить и – жил.

Глава 2. Странствие пастыря Иезекиля

Дорога уже порядком утомила монаха. Припасы, взятые с собой из монастыря, были на исходе. Как назло не встречалось ни деревеньки какой, ни городка, где можно было к местным пастырям обратиться или милостыню попросить. Мельчайшая дорожная пыль стала такой мягкой и ласковой при свете лун. Отекшие пухлые ноги святого отца, не привыкшие к таким дальним пешим переходам, уже порядком притомились. Отец Иезекиль остановился, снял сандалии и потопал далее босиком. Прохлада ночной дороги мигом успокоила боль в ногах. Дорога петляла и, внезапно монах вышел к развилке, остановился, почесал затылок, потом, недолго думая, свернул на левую тропинку. Почему на левую? Да Хрон, тьфу его, ее знает. Тропа спускалась все ниже и ниже. Свет лун уже стал рассеянным и тусклым. И вот – перед взглядом путника открылось ущелье, даже не так – открылось Ущелье. Дорожка свернула в расщелину между каменистыми откосами и привела к каменистому дну. Свет лун не доставал дна, но в Ущелье не было темно, светились какие-то летающие жучки, пылали холодным светом упавшие и уже подгнивающие деревья. Было очень влажно. С тихим шелестом стекала кристально-прозрачная вода, кое-где разбиваясь о выступающие камни на мельчайшие водные пылинки и расцвечивая ночной полумрак радужными искрами. Отблески выходящих на поверхность драгоценных руд светили не хуже лун. Днем солнца отражались от всех поверхностей Ущелья. Зеленые плети неведомых растений вились по отвесным склонам, на них в ночи расцветали изумительной красоты цветы всяческих сумасшедших оттенков. Мелкие камушки иногда срывались с откосов и, шурша, скатывались на дно. В какофонии ночных звуков слышались крики, всхлипывания и посвист ночных птиц, томное стенание жаб и лягушек, капель, журчание и шепот воды, шорох камней и шелест ветвей. Мягкая пыль дороги вскоре сменилась утоптанной глинистой тропой, уверенно петлявшей между стволов. Такой тишины и красоты, пожалуй, ранее в жизни отца Иезекиля и не было. В сезон ветров, ко всему добавлялось еще и их завывание. Прилетев в ущелье слабенькими вихорьками, ветры уходили в дальнейшее путешествие уже могучими, разрушительными. Но сейчас царило безветрие. И монаху повезло – иначе пребывание в Ущелье было бы еще более пугающим – из-за стенаний ветров.

Детство отца Иезекиля, тогда еще Варелы, прошло в городке Поветренный – на равнине, где всегда дули ветры, даже в теплый сезон. Отец ушел слушать шепот Великой семерки рано, когда Варелику было всего от горшка два вершка. А далее жизнь мальчика стала еще более приятственной – отец, суровый пастырь, иногда устраивал сыну недели и месяцы, когда нужно было молиться и поститься, теперь ушел и некому более ущемлять и заставлять. Ребенком Варела был нехуденьким, но в том далеком детстве его пухлость вызывала лишь неистовые приступы нежности у матушки и деревенской кормилицы, которые были без ума от своего ангелочка и поэтому пичкали его всякими вкусностями нещадно и беспрерывно. В подростковом возрасте за увеличивающуюся толщину жира, прожорливость и болтливость был неоднократно и пребольно бит, клочки давались ему самые что ни на есть обидные. Послушным был Варела мальчиком, да вот только мальчишки дворовые научили его рукоблудию, за которым однажды и застала его мать. Словно подхваченный порывом ветра вылетел пухлый отрок в любовно ухоженный дворик, за ним неслась разъяренная родительница с полотенцем в руках. Что она увидела и что поняла – неизвестно, только пороссячий визг отрока, когда полотенце задевало пухлые окорока, был слышен на весь околоток. Мать гоняло свое неразумное чадо с криками: «Оторву я тебе этот мясистый твой отросток и свиньям скормлю!! Поэтому и пришло время отправиться в монастырь к дядюшке, отцу Филомену – старшему брату матушки, который стал настоятелем. Жизнь в монастыре не очень-то отличалось от вольной жизни. Только молебны, посты и были чаще, в положенные Кодексом дни, а так – беспокоиться ни о чем не нужно, ни переживать о грядущем дне. Один только раз всплакнул монах, когда отец Филомен вызвал

к себе и сообщил о смерти матушки и кормилицы. На деревню напал мор, и сожгли ее потом, даже могилок не осталось.

С тех пор прошло уже немало лет, маленький ангелочек вырос, но не вытянулся ввысь, а раздался вширь и, отрастив волосы на лице, потерял их на голове. Бочкообразное туловище окончательно заплыло жиром, короткие толстенькие ножки, пухлые коротенькие же ручки, глазки, выглядывавшие из некоего подобия пещер, созданных толстыми лоснящимися щеками, усы, прилепленные под коротким прямым носом, борода, частично скрывавшая немного женственный, пирожкообразный подбородок. Монах был говорлив, а в подпитие – красноречив до ужаса. Таков стал отец Иезекиль, любитель покушать, благочестивый и набожный. За набожность и благочестие – такое видимое, что не могло быть искренним – был отправлен отцом настоятелем с казной монастырской к Дворцу Государя, передать долю ордена господину Магистрату и бумаги вручить секретные, а другие, не менее важные и потайные забрать. Не каждого могут почтить таким высоким доверием, поэтому при выходе отец Иезекиль пыхтел и раздувался от гордости. Но путь был довольно далек и не очень-то легкий, поэтому сейчас плелся монах по дну красивейшего ущелья, не зная, где находится, слушая урчание у себя в животе и кляня последними словами это важное поручение, которое лишало его самого приятнейшего времяпровождения – за монастырским столом. Немаленькое пузо монаха начало просить еды. Для мальчика Варелика самым страшным ощущением было чувство голода. А отец Иезекиль просто впадал в панику от голода – очень уж любил он покушать. Порылся у себя в суме, нашел корку, изрядно зачерствевшую, вгрызся в нее зубами. Сплюнул попавший на зубы песок, и побрел вглубь ущелья, откусывая кусочки черствого хлеба и бормоча себе что-то под нос.

Монах не знал что это за Ущелье, в которое забрел. В книгах повитух и астрономов об этой гигантской расселине много писано, да вот мало кем читано. В деревеньках, окружавших Ущелье Водопадов, ходили про это проклятое место странные и противоречие слухи. Кто-то говорил, что водятся там драконы, за что, конечно, были осмеяны, драконов же не существует, даже дети знают об этом. Но кто-то видел взмахи огромных крыльев, кто-то слышал громоподобное рычание. Временами пахло серой, а уж влажность была окрест Ущелья – никто из хозяек не стирал белье, раскладывали возле домов на траве или развешивали на веревках на всю ночь и к утру все вещи, оставленные не под крышей, были мокрыми, как будто только что из воды вынутыми. И отстирывать ничего не приходилось. В выпавшей влаге было что-то, что отбеливало и отстирывало лучше всяких средств, не оставляя даже пятнышка грязи.

Пропадали путники, решившие выбрать левую дорожку и пройти через ущелье. Снаряжали несколько экспедиций вниз, в глубину ущелья, но было оно так велико, что вернулись через долгое время только двое. В живых остались полусумасшедший старик, который был сыном местной повитухи, не попавший в охранники, и восторженный юнец, что распространял слухи о Драконах, за это каждую весну был запираем в амбаре, служившем и тюрьмой и лечебницей для таких буйствующих субъектов. Доказательств никаких они с собой не принесли, рассказать что-то вразумительное и связанное не смогли, поэтому – драконов нет. А орать и махать крыльями возле ущелья может кто угодно. В сезон дождей так и вообще померещиться может всякое. А если долго смотреть на туман, стелющийся над ущельем, так и спать недолго. Один малец решил проверить: сидел весь день, пялясь в туман, а к закату и сиганул вниз.

Но, несмотря на это, путники пропадали и не возвращались. Никто из жителей окрестных деревенок ни за какие деньги не соглашался спуститься вниз. Сюда и забрел пас-тырь Иезекиль, да еще и на голодный желудок. Брести в этой мерцающей тишине становилось все труднее и труднее. Окружающий влажный туман стал густым, как студень и казалось, его можно было потрогать руками, а при желании даже съесть. Силы уже начали оставлять монаха. Поститься приходилось и раньше и подольше. А тут, как наказание какое-то – вот

только спустился в ущелье и вот вам, кажется, что живот к спине прилип. Поэтому на ум приходило, что голод сей – хроново наваждение. Монах пробовал прогнать молитвой бурчание и урчание. К рассвету благочестивые мысли иссякли, все молитвы были прочитаны и слова их не приходили более на ум. За время путешествия по ущелью червячок вырос в целого голодного змея, а выхода наверх все еще не было видно. Алкающий желудок начал заявлять о себе все громче и громче. Пухленькое брюшко монаха не хотело терпеть более и минуты – требовало еды, яств, кушаний, напитков и медов, категорически не хотело переваривать какие-то там крошки, листья и коренья, которыми пастырь пытался обмануть голод. Начала подступать тошнота, закружилась голова, походка стала неуверенной и шаткой, как будто монах не видел еды уже месяца три-четыре. Так, мучаясь от голода, пастырь снова добрел до развилки. Когда монах отправился в дорогу, никто не рассказывал, что в дороге встретится какое-то там ущелье, сказано было идти по Белому тракту и все. Шел себе, шел, а тут ущелье это, развилки какие-то, стоишь, думать приходится, чтобы выбрать. Отец Иезекиль задумался на некоторое время, и потом ноги снова сами повернули на ту, которая была левее. Промелькнула мыслишка гаденькая, про то, куда бы этот поход засунул отец-настоятель... Да, тьфу-тьфу, грех-то какой. Отец Иезекиль и не заметил, что начал болтать сам с собой.

Брел, брел, брел по мерцающему полумраку, мимо тлеющих от гниения упавших сверху стволов деревьев, мимо шепчущих что-то невнятное ручейков, каких-то огромных грибов, на которые падали сверху капельки влаги. Передернул святой отец плечиком, помянул снова добрым словом отца-настоятеля, Хрона помянул недобрым словом, да и побрел дальше. Пройдя еще немного, монах вдруг – о чудо! – почувствовал запах жарящегося мяса, такого, знаете ли, с приправками, лучком и перчиком, на вертеле. Сок еще капает в огонь, скворчит на углях и разносится этот божественный запах жареного свежего мяса по округе. Проглотив слюну, путник ускорил шаг. Жадное брюхо радостно заурчало, приветствуя запахи и надеясь на трапезу. Вскоре святой отец увидел харчевню и тусклый свет в оконцах, затянутых прозрачными листьями слюды. Услышал песни засидевшихся бражников, бряканье посуды, негромкий говор едоков. Подойдя ближе, монах увидел название «Приют ...», а чей приют – не понятно. Второе слово в названии то ли засидели всякие насекомые, то ли замазали чем, в общем, был «Приют» и все. Робко зашел отец Иезекиль в широко распахнутые, несмотря на поздний час, двери. Картина, открывшаяся его взгляду, была более чем ободряющей. Монах воспрял духом – широкие, добела выскобленные столы, лавки, стоящие рядами, были не пусты, но и не переполнены. Дощатые стены, на которых развешаны сушащиеся связки всяких кореньев, венки из лука и чеснока, а в центре – огромный камин, в котором на вертеле медленно вращался источник запаха – огромный кабан, уже в меру подрумянившийся. Монах добрел до стойки, за которой апатичная пухлая подавальщица, и в молодости не отличавшаяся красотой, медленно протирала какой-то серой тряпицей и без того мутные стаканы и глиняные кружки. За ее спиной стоял огромный буфет, заставленный бутылками и бутылками, а чуть дальше виднелась дверь, из которой выносили готовые кушанья. Святой отец соорудил соответствующую мину и зачастил, заканючил:

– Доброго вечера и мир вам, честные люди. Подайте бедному монаху на пропитание, ибо шел я долго, не останавливаясь, но оголодал и не могу продолжить свой путь далее, не подкрепившись. Ты хозяйшюка, угости бедного монашка хлебом, мясом да винцом, большего я и не прошу. Подайте бедному монаху на пропитание, семеркой святой вас прошу. Да продлятся ваши дни до нужных вам размеров, да сбудутся чаяния ваши, да уснут враги ваши...

И такой скороговоркой затянул, затянул, запел, запел. Сначала наступила полная тишина. Слышно только было, что один из выпивох кружку с брагой от себя оторвал, да на стол не поставил, и медовый ручеек истекает на стол, а капли скапывают на дощатый пол. В ногах того столика валялся приبلудный пес – худющий и страшный, как хроново отродье, он-то тишину и нарушил, начав смачно, с хрипом и чавканьем слизывать неожиданный дар с досок. А потом –

дружный хохот бражников, сидящих за ближайшим столом. Подавальщица усмехнувшись, прищурила глаз:

– А нечто у тебя расплатиться нечем, что ты попрошайничаешь? Такое пузо, побираясь, не нажрешь же! Эвона за спиной у тебя мешок немаленький висит.

– Не подаем мы никому, монах, – за спиной подавальщицы, скрипя ржавыми петлями, открылась та самая дверца, и вышел оттуда мужик дюжий, видимо хозяин или повар главный.

– Неужто вы позволите пастырю душ ваших умереть от мук голода на вашем пороге, и не сжалитесь над Святым человеком, хоть корку хлеба?! Сжальтесь, и воздастся вам!!! – пустой желудок сделал монаха красноречивым и голос его возвысился над гулом гостей и песнями бражников. Первый раз в жизни отказано было ему в пище. В монастыре специально учили, какие надо слова говорить и как их говорить, чтобы подали, да так, что и последнее отдавали. А тут – какие-то неучи и отказали.

– Монах, вали прочь, светает скоро уж на дворе, закрываемся мы. Нет для тебя тут ничего, – мужик устало отвернулся и скрылся за дверью.

Отец Иезекиль просил, канючил, умолял. Завсегдатаи равнодушно отвернулись и продолжили свои дела. Вот уж местный служка пошел задувать лампы. Выдержка изменила отцу Иезекилю, хотя и знал он, что если достаточно долгое время так стоять и подвывать – все равно кто-нибудь да смилуется, хоть кость подаст, хотя бы чтобы замолк он, а тут – глядишь, перед носом и двери закроют скоро. Вздохнул монах, достал свою суму из складок необъятной походной рясы, подошел снова к стойке:

– Голубушка, что у вас там, на кухне готовое есть, неси все, сил нет. Упаду у вас тут замертво, а вы меня потом на фарш для пирогов пустите? – пытался неуклюже пошутить монах и подмигнул.

До той поры равнодушная ко всему подавальщица встrepенулась, стукнула в дверь кухонную с криком:

– Эй, кухня, тащите все, тут их господин пастырь надумали покушать да расплачивается, как все честные люди.

Отец Иезекиль покраснел от удовольствия, пытался было возразить, но его к честному люду причислили, вот и промолчал, а потом случилась самая долгожданная за последнее время вещь. То, чего он хотел больше всего: в этот миг открылись, скрипя петлями, захватанные кухонные двери и оттуда на пустой стол понесли еду: пироги, мясо, рыбу, овощи какие-то, каравай хлеба, корчагу пива, бутыл с вином и еще что-то, тащили и ставили на добела выскобленную столешницу. У святого отца подкосились ноги, и он плюхнулся на стоящую скамью, ряса вздулась вокруг него, как пузырь, и опала, словно тоже в ожидании пищи. Закрытие «Приюта» было отложено, оставшиеся непогашенными лампы, чадя, освещали своим неверным светом то, что попадало в их круг. Монах засучил рукава и сел за стол. Он ел-ел-ел-ел. Казалось, что никогда не насытится. Еще только едва пережевал только что откушенный кусок того самого кабанчика, уже берет рыбу, толкает в глотку ломоть хлеба, да макает его в густую подливу, что в толстостенной глиняной чашке, жует, чавкает, смачно прихлебывает все напитки, которые подливает сразу сделавшаяся участливой подавальщица. И вот уже знает монах, что ее Мария зовут, дочь Толяна, что из свободнокровых они с отцом. А она сидит и слушает монаха, подперев ручкой пухлую щечку, и светло-русый локон выбился из-под застиранного платка, и почему-то нравится он монаху. Обильная еда и питье сделали свое дело – пастырь заговорил и к ужасу своему понял, что остановиться не может. Он говорил и ел, пил и снова говорил. Разглагольствовал на все темы, что только приходили ему в голову. Пытался сконцентрироваться на тлеющем в очаге огне, да не получилось, плюнул и снова сел перекусить. Все вокруг стали милейшими людьми, он уже попел за одним столом, поспорил до хрипоты о великом предсказании за другим. Утомился преизрядно, набитое пузо радостно ворчало, переваривая все, что в него попадало. И тут увидел, что уже почти рассвело, а ноги не двигаются. Понемногу начало

пустеть и в зале. Кто свалился под стол и уже давно сладко похрапывал, кто, пошатываясь, побрел прочь, укладываясь на лавках – кто на кулак, кто на снятую шапку. Отец же Иезекиль упасть и уснуть тут же не мог, так осквернить свой сан, что подумают!!! Пастырь, покачиваясь, держа в одной руке полупустой бутыль, в другой – надкушенную индюшачью ногу, решил поинтересоваться:

– Хозяюшка, а вот если человеку какой устанет вот тут у вас с дороги, вы куда его деваете? – смачно икнул и рухнул локтями на стойку.

– Да вон, на сеновале, пойд и поспи, святой отец.

Монах повернул голову в указанном направлении, и, не разворачивая ее, чтобы не сбиться с курса, волоча отяжелевшее брюхо, стараясь вовремя переставлять ноги, чтобы все-таки не упасть прямо тут посреди зала, быстро-быстро потопал в сарай. Там добрел лишь до самой близкой к двери охапки сена и рухнул, блаженно обняв бутыль и положив индейку под голову. Мария, дочь Толяна пренебрежительно хмыкнула, крикнула приборщиков, и начала собирать грязные тарелки со столов. «Приют» закрылся. Светало. А отец Иезекиль спал, похрапывая, с нижней губы на бороду стекала капельками тоненькая струйка слюны. Иногда всхрапывал, пару раз перевернулся, ни на секунду не выпуская из рук свои ценные приобретения. Во сне ему снилось, что его путь окончен, что он уже пришел в великий город, отдал суму и теперь сидит на магистратовой кухне и дружок его, повар – не чета здешним кухарям, уставляет стол всякими изысканностями и вкусами. Напитки подает благородные и ждет, когда монах откушает и похвалит мастерство его. И так было благостно сновидение это, что монах улыбался во весь рот, показывая ни разу в жизни нечищенные полустертые в многочисленных трапезах зубы, в которых застряли остатки ночной обильной трапезы. Голуби, облюбовавшие сеновал, с изумлением поглядывали на эту ворочающуюся и издававшую неведомые звуки серую кучу внизу. Один сизо-белый голубь, спланировал вниз, походил рядом, готовый взлететь при малейшем шорохе. Ничего интересного не оказалось и постепенно даже птицы потеряли интерес к своему громко храпящему соседу. Яркий солнечный свет начал тускнеть, а потом и вовсе пошел на убыль. Темнело, наступали сумерки. День был короток. Время исчезало, стекая песчинками в часах темнотобородого. В сарай вошел приютский повар, потряс монаха за плечо, чтобы разбудить того. Для чего оказалось, нужно приложить было немалые усилия. Пастырь нерадивый сел на кочку сена, которая вместе с индюшачьей ногой служила ему подушкой:

– Что, к заутрене пора? – забормотал он спросонья, – Сейчас, сейчас, батюшка, только подрясник одену.

Повар расхохотался:

– Отец, проснись уже!

Пастырь ругнулся, пригладил остатки волос на голове, вытащил из-под себя остатки индейки, облепленные сеном и потерявшие свой аппетитный вид, но все еще съедобные. Зевнул, помахал перед открытым ртом руками, отгоняя хроновых духов.

– Вставать пора, да? Надо подкрепиться, да, благословясь, двинуться в путь мой.

Повар усмехнулся:

– Ну и горазд же ты кушать, отче. Слышал я, что монахи прожорливы, но ты – великий едок, тебе в подметки даже и драконы не годятся.

При этих словах в животе что-то ворохнулось и недовольно заурчало.

– Превратно ты так обо мне по одной трапезе судишь, ну оголодал я с долгой дороги. Сам посуди, какая еда в дороге, все на сухом пайке. Корочками сухими питался, да студеной водицей запивал.

– Монах, меня-то не жалости. Вон, Марии свои сказки рассказывай, она у нас жалостная. Ты у нас уже месяц живешь, отъедаешься. С бутылем не расстаешься. Уйдешь на сеновал, продрыхнешь до заката и потом тащишь себя обратно, у тебя уже и стол постоянный есть.

Ты вчера, видать, перебрал крепко, что запомнил. Даже если время изменилось, мы часы на поверку-то давненько уж не отдавали – все равно ты у нас долго квартируешь, все сроки прошли для твоего задания, все уши ты мне про него прожужжал – ушельские постояльцы давно знают: куда и зачем ты отправился и по чьей воле. Ты у нас припасов перевел, сколько до этого никто не едал. Так что, отец, не надо мне тут тень наводить.

Отец Иезекиль резко сел, колыхнулась в голове боль от перепитого вчерашнего.

– Что? Какой месяц? Ты с меня, однако, хочешь навар поиметь, вот и плетешь мне сам свою тень. Ты кому рассказываешь? Я сам тебе наговорить могу, – голос не слушался, срывался, то на хрип, то на писк, то вовсе бурчал басом.

Повар, при сумеречном свете выглядевший каким-то другим, веселым что ли, хмыкнул:

– Ну-ну, отче, не хочешь верить – не верь. Да видать, предупреждение тебе, что пить-есть хватит – раз память так потерялась. А навар – какой с тебя навар, ты ж расплатился сполна. Сегодня все, кончился твой кредит у нас. Пора тебе.

Монах нахмурился, молча встал, схватил свою суму, которая показалась почему-то очень легкой, а руки, взявшие ее, стали неловкими, пальцы отекали, смыкались на мешковине плохо, мешок выскальзывал. Оглядел себя, прежде лежавшая свободными складками походная ряса сидела теперь в обтяжку.

– Вы меня в рясе мыли, что ли? Она мне раньше была свободнее.

Снова хмыкнул кабатчик:

– Да спаси меня Святая Семерка, да на кой бы мы тебя мыли? Раздался ты батюшка, сладко ел да крепко пил, спал в свое удовольствие. Вот тебя и понесло вширь. Больно нам надо, тебя мыть, ты за это и не платил.

И тут на отца Иезекиля обрушились смазанные воспоминания о многочисленных дверях «Приюта», в которые он входил. Бааа! Да это ж не много дверей было, а одна, в которую входил он неоднократно, изо дня в день. Время-то подвело его, получалось, вот так. А казна-то давно проедена получается. Брякнулся снова на кочку сена монах, вздрогнул:

– А про какое такое предупреждение ты мне сказал?

Передернуло снова монаха, вчерашний хмель выветрился. В животе вновь забурчало, хотелось справить нужду и пожрать. А в ответ – тишина, никто ничего не сказал. Покрутился монах по сараю – нет никого. Глаза выпучились, лоб взмок от непосильного умственного напряжения:

– Я сам с собой, что ли, разговаривал. Да нет же, был тут повар, я даже помню, как его зовут, ммм, – в нетерпении защелкал пальцами, пытаюсь вспомнить имя повара, и чьим он был сыном.

«Тьфу, семь святых и Хрон безухий. Да и ладно, пойду и впрямь я, помолясь. Как пойду, куда пойду, если столько уже и времени прошло, и денег нет, идти-то куда? Да и есть опять охота», – все, что съедено было и выпито, благополучно переварилось и просилось на свободу. Монах вышел из сарая, сел за него, побряхтел-побряхтел. Вздохнул с наслаждением, нашел подходящий листик, управился. Начал озираться вокруг, куда идти-то теперь. Бежать придется, а то за растрату, небось, по голове не погладят, хоть и отец-настоятель дядькой родным приходится, но строг с преступившими он. Голодать заставит, а то и прогонит, а то и уши обрежет, как убийце какому. И что прикажете делать тогда – идти работать, да уж, безухих-то никто не берет в работники... Да и не умел никаких работ выполнять отец Иезекиль. Мог молитвы читать, спать мог, попрошайничать – о, это в самом лучшем виде мог, кушать – чемпионом в поедании бараньих ног был как-никак, и пить в немерянных количествах мог. Озирался в поисках «Приюта» – глянь, а того тоже нет. И сарая, из которого только что выполз, нет. Снова подкосились ноги. Куда все подевалось? Куда ни глянь, ничего нет, к чему глаз уже привык. Сразу как-то потемнело, ближе подступили скалы, которых до этого вроде не было. А сейчас Ущелье стало словно сжиматься, и откуда-то сверху посыпались мелкие и холодные

капли воды. Вроде и не лились, а висели в воздухе. Вмиг походная ряса, которая выдерживала ранее ливень, в которой можно было спать на песчаном бархане в сезон ветров, стала мокрой. Где-то, высоко над головой раздался скрежет, потом словно кто-то огромный и сильный разорвал кусок ткани. А потом загремело со всех сторон, загрохотало и засверкало одновременно. Если до сих пор водяная взвесь просто пропитывала все вокруг, то теперь она хлынула сплошным потоком – воистину вот как кадку с водой перевернули. На святом отце не было уже ни одной сухой нитки. Делать нечего, встал и побрел, попытавшись обнять себя руками, чтобы спастись от промозглой сырости и холода. Да руки уж очень короткие, не защитить висящий живот, заплывший рыхлым жирком. Скорчившись от холода, почему-то вспомнил о холодце, таком дрожащем и таком жирненьком, слегка приправленном наструганным хреном и острейшей горчицей, который, казалось, только вчера вкушал в «Приюте». Живот вновь заворчал, напоминая о себе. Но теперь все было тщетно. Монах брел, скорчившись под ливнем, спрятав лицо под капюшоном, брел, пока не уперся в какую-то преграду. За сплошной стеной воды ничего не было видно. Только молнии били вокруг стен, как будто ограждая что-то. Он себе так и представлял хранилища, где возопят грешники безухие. Отец Иезекиль поднял глаза, в потоках воды начали вырисовываться контуры чего-то, скалы какой, что ли, которая преграждала путь. Это нечто пугало своими размерами, казалось, что пустота с пристальным вниманием изучает его, не моргая. Потом из воды вырисовался четкий рисунок – пара глаз, что ли? Гигантских, в рост человеческий. Пастырь почувствовал, что нижняя челюсть лежит на третьем подбородке и мелко-мелко подрагивает от испуга. Начал вырисовываться весь силуэт. Стало страшно так, как до этого никогда не было.

Монах увидел, что он только сейчас заметил, что стоит он на самом краю водопада, обрушивающего вниз, в бездну, потоки воды. Ветви неизвестных раскидистых деревьев и дождь скрыли тропинку, которая привела сюда. Над водопадом клубился туман, нереально-невесомый и, в то же время, какой-то плотный, как кисель. Казалось, что по этому туману можно ходить. Бело-голубая мгла притягивала взгляд, заставляла неотрывно смотреть и смотреть на создаваемые фантастические образы, меняющие цвета и оттенки, усыпляющие и дурманящие. Дождь облекал миражи в водянистую пленку, придавая им подобие формы. Порывы ветра пытались разорвать в клочья этот странный туман, который начал изменяться, складываться в какую-то фигуру. Сквозь морозящий дождь показались мерцающие, сияющие, огромные глаза, они были золотыми, с вертикальным зрачком, как у всяких ползучих гадов. Мелькали образы, перемешивались, как стеклышки в калейдоскопе, сложились, собрались воедино. На краю водопада под проливным дождем прямо перед монахом появился дракон. Вода, падающая на его чешуйчатое тело, с шипением испарялась, усиливая плотность окружающего тумана. Дракон был великолепен и ужасен в своем величии. Золотые глаза, темная громада головы, увенчанная тремя отливающими белым металлом рогами, туловище, покрытое белоголубыми сияющими чешуями, серо-сизые крылья, словно выкроенные из облаков.

Дракон выдохнул столб пахнущего серой пара и прогрохотал:

– Ну, здоров будь, отче!

С перепугу монаха трясло, как в лихорадке:

– Ве ве ве ве...

Набрал полную грудь воздуха, собрался в духом и, снова проблеял что-то невнятное, потом все-таки многолетняя выучка взяла свое. Нерадивый пастырь начал отмахиваться и вспоминать слова молитв, заученных в монастыре. Попытка вспомнить не очень удалась, поэтому монах, выпучивши глаза и набрав воздуха побольше, попытался закричать то единственное, что пришло в голову. Получился, невнятный шепот, но все же слова различить было можно:

– Изydi, Хрон, враг Семи и рода мирского и народов зорийских, – а дальше вновь – сплошное бормотание. Отец Иезекиль не смел поднять глаза и стоял, отмахиваясь ежеминутно и бормоча.

Дракон, явно веселясь, понаблюдав сию картину некоторое время, потом ему надоел этот концерт одного актера и он решил вступить сам:

– Я тут услышал какой-то гром, подумал, что в моем ущелье завелся еще дракон, полетел посмотреть – а тут эвона кто! Это ж монах, и преголодный, однако... Это твое пузо так слышать?

У монаха перехватило горло, но ужас и страх не только не уняли его голод, а словно обострили его. Животный страх и голод владели душой отца Иезекиля поочередно. Стоял он, смиренно опустив голову, а в глазах промелькнул огонь вождения, в мыслях мелькало: «Вот бы драконова мяса отведать, и много-то его как! Да крыло вон оторвать и поджарить, хрустеть будет – оно удовольствие». Засвербило в желудке, пискнуло горло что-то невнятное, а потом в конец запутавшийся голодный монах закричал, перекрывая раскаты грома:

– Ты, животины мерзкая, пожрать сначала давай, а потом беседу беседуй!

Дракон опешил, а потом расхохотался так, что сорвались и покатались лежавшие неподалеку каменные глыбы, с неба вновь грохотнуло, и полыхнула молния невдалеке, усилился ливень:

– Монашек, да ты перещеголял даже наше племя! Уж на что мы покушать любим, но ты... С твоим аппетитом тебе бы не монахом быть смиренным, ну я не знаю даже кем... Драконом что ли... Посмотри, что ты жрал все это время! Это ты меня животиной мерзкой называешь? Смотри же, чем ты угощался в этом «Приюте»!

Святой отец повернулся посмотреть туда, куда мотнулось, указывая, кожистое крыло. От увиденной картины молния безумия начала вспыхивать в голове монаха, застучали в висках молоточки. Он увидел, что там, где недавно была харчевня «Приют», стояла теперь полуразрушенная хибарка из сгнивших досок. Болото, раскинувшееся возле хибарки, казалось бескрайним. Даже сквозь грохот грозы слышны были вопли неведомых тварей, ежеминутно попадавших в топи, в которых с мерным треском лопались черные пузыри с каким-то на редкость вонючим газом. На берегу возле развалюхи росла травяная кочка, которая, видимо, и была святому отцу и столом, и стулом, и кроватью. Рядом с кочкой горкой высились головы болотных тварей и их кости. Туловищ и шкур не было. У монаха, наконец, наступило прозрение, его замутило. Но не вырвало, жадное пузо не отдавало ничего, что попадало туда. Никогда, даже в раннем детстве, не было ни поноса, ни рвоты. Усваивалось все, и всегда хотелось еще и еще. А деньги, деньги канули в болотной жиже, вон видать последнюю денежку, которую в горячечном бреду закинул отец Иезекиль, видя себя премило болтающим с подавальщицей Марией.

– Ну, что, пузанчик, вкусно покушал? – Дракон издевательски подмигнул, потом прищурился:

– И куда только у людей все кровные печати, все заповеди из Кодексов всяких деваются, когда в темноте, да в неизвестном месте голодать приходится. Сразу все могут и шустрými такими становятся, что и не остановишь их. Слушай, ты мне пожалуй, нравишься. Мне велено тебе передать одну мелочишку. Хочешь драконом быть? Бояться никого не надо и за казну, которую ты, при обжорстве твоём в болоте утопил, когда собирал свои кушанья, никто не накажет? Ты ж деньжищ таких в жизни не найдешь нигде, да и не выпросишь. Да и бумаги у тебя там были, за который сам ваш Магистр спросит. А отец-настоятель ох тебя и притянет к ответу... И не посмотрит, что родич ты его. Посадит он тебя в монастырский острог, и будешь там на хлебе и воде сидеть веки – вечные. И молитвы долдонить с утра до ночи, а потом с ночи до утра. Ушей лишишься, потому-то все одно – к Хрону попадешь. А если сейчас, да по доброй воле – ты же в любимчики попадешь сразу. Хочешь?

Ноги отказались служить монаху, он с размаху брякнулся на мокрую траву, про отца-настоятеля он уже и думать забыл, а про казну и подавно. Схватился уже пастырь-отступник

за голову, прикрывая уши давно нестриженными и немытыми реденькими волосиками, и взвыл дурным голосом, повизгивая от искушения и испуга:

– Не надо уши! Уши не трогай!

А дракон продолжал улещивать-уговаривать:

– А у нас тут красота – поститься больше не придется, грехи отмаливать не надо. Грешить можешь – сколько хочешь! Хочешь девку уволоки, все скажут, что померещилось. Не верят же в нас. Нас, драконов нету. И хранилищ нету... Сейчас вот в столицу не идет никто и не с кем обменяться Магистру секретными документами... Да, теперь, наверное, крепко Магистр подумает, отдавать или нет, сии бумаги некоторому монаху, который придет, опоздав изрядно и с пустой мошной. Перекусить захочешь скоро, а вдруг как опять харчевня какая попадется, а расплатиться нечем? А если люди лихие попадутся? Казны-то ведь у тебя более нет, а? Работать-то умеешь? А то здешний люд очень уж денежку любит – диким продаст, а те тебя быстренько зажарят и схарчат за милу душу.

Дракон говорил и говорил, умерив свой грохочущий глас до слуха человеческого, рисуя согнувшемуся монаху нерадостные виды, если остаться пастырем и счастливое драконье будущее – это если согласие прямо сейчас дать. Отца Иезекиля уже давно трясло, как в лихорадке. Молитвы не шли на ум, возвращение пугало до дрожи и тошноты. Дракон вещал шепотом, перечисляя всяческие яства, перечитывая будто бы какую-то незримую кулинарную книгу, картины будущих пиршеств манили и влекли. В голове у Варелы, будем его, наверное, так теперь называть, ведь каста, Кодекс пастырей, печать крови – слетело, как шелуха, уступив место голоду и страху. Хотелось ему засунуть кулак в рот, завалиться под каким-нибудь кустом, тут прямо под ливнем и выть, выть, выть, выть от безысходности – не мог он решиться, страшно и голодно – голова не соображает.

А дракон вещал, улещивал, обещал что-то уж совсем сказочное – сколько уж времени прошло – лишь Хрон его знает. Ливень то переставал, то усиливался, всходили солнца, падала ночная темень – из глубин Ущелья в близлежащие деревеньки долетали страшные стенания, грохот и шипение. Монах, голодавший все это время, начал понемногу смиряться с тем, что придется на что-то решаться. Жир, так любовно холимый и лелеемый, взращиваемый долгими годами, таял, тело питалось тем, что накопило. Но и этих запасов оставалось все меньше, а сжавшийся желудок жадно алкал пищи. Голова кружилась, шепот и соблазнительные речи дракона уже не казались такими невероятными и ужасными. А дракон шептал и шептал, расписывая какое-то исключительно вкусное яство: мясо, молодое желательное, вымочить в ущельском вине, но не более чем часа три, засыпать травами и запечь на углях; уже и запах даже чувствоваться начал. В голове Варелы появилось воображаемое блюдо с этим самым благоухающим мясом и все сложилось, кто-то махнул рукой, отражение кивнуло само себе и радостно гаркнуло, не спросивши мнения у владельца этой головы:

– Да согласен я уже!

Дракон-палач, мгновенно умолкнув, прогрохотал:

– Ты согласен??? Ну, наконец-то, а то я уж устать начал, да и проголодался, – подмигнул золотым глазом многозначительно.

Тут и гроза стихла, и по мановению драконова крыла вся поляна тотчас обросла столами, покрытыми белоснежными скатертями, а уж на скатертях тех – ух и наставлено... Варела зажмурился было, думая, что вот сейчас все и исчезнет, как морок. Приоткрыл сначала один, потом второй глаз – столы не исчезли. Возрадовавшись, начал он перебегать от одного стола к другому, хватая самые лакомые кусочки, иногда оглядываясь на дракона, который уселся поудобнее, сложив крылья и устроив рогатую голову на когтистое подобие кулака – сам не ел, только угощал, хоть и говорил, что голоден. Сидел, скучая, и на метавшегося монаха смотрел, не говоря ни слова. Осмелев, Варела начал закусывать плотнее, яства были такого божественного вкуса, которого ни разу в жизни не приходилось вкушать. А разнообразие цветов, вкусов,

сочетаний просто убивало наповал... Варела ел и ел, он не мог остановиться. Его опавшее было пузо вновь наполнилось и стало напоминать туго набитую подушку, а потом подушка плавно переросла в матрас. А еды было все еще много, нескончаемо много. Варела остановился, держа в одной руке полуобглоданную кость, а в другой – рыбку, запеченную чудным образом в свежих листьях какого-то ароматного растения. Постоял, отдышался, и с новыми силами принялся уничтожать съестное, присев между столами. Уже вздохнуть тяжело и больно, но он все ел и ел, все продолжал и продолжал. Пока, наконец, ноги не перестали его удерживать, и он тяжело плюхнулся на почву, сжимая в кулаке кусок сдобной булки и кровавой колбасы, весь перемазавшись в процессе поедания. Живот распирало, дышать приходилось маленькими порциями. Влажный воздух с трудом проталкивался в сузившееся горло, оцарапанное кусками полупрожеванной пищи. Голова от нехватки воздуха уже начала кружиться. Но остановиться он не мог. Кодекс пастыря, предостерегающий от чревоугодия, был забыт, кровь молчала. И бывший пастырь перестал сдерживаться и начал пихать себе в глотку все, что было в изобилии на столах.

Дракон сначала скупающе наблюдал за суетной этой беготней, но потом в его глазах появился интерес. Драконы азартны, и этому златоглазому перестало быть все равно, заинтересовался, чем же вся эта беготня и поедание закончится.

– Ну, ты, батенька, удивил! Ни разу не видал я, чтобы смертные столько сожрать могли, ты и по-драконьим меркам едок тот еще.

Человек, которого этим словом назвать уже было трудно – раздувшийся от еды, с лоснящимися щеками, едва моргающий глазами, тяжело вбирающий в себя воздух маленькими порциями, с недоумением воззрился на говорящего.

Дракон продолжил:

– Ну что ты на меня смотришь пуговками своими? Заплыли мозги жиром? Вот кабы ты перекусил культурненько, да беседу светскую поддержал, вот тогда ты и был бы герой. И драконом бы стал первостепенным. А ты своим обжорством сам же все себе и испортил. Вот за это, ты, батенька и заплатишься... Проверку- то ты как раз и прошел – на обжорство проверку. Ушки твои, жирненькие, сейчас обчищаем, они тебе более не нужны, другие – драконьи, может быть, вырастут. Не жаль мне того, сколько ты извел, а не положено так, чтобы жить ради того, чтобы жрать, как тварь последняя. Хотя, я, наверное, тварей этим обижу, если сравню тебя с ними. Понятно я изъясняюсь, батенька? Нет тебе ни покоя, ни прощения за твое чревоугодие.

И уставился, подлец, своими немигающими глазюками на ошалевшего Варелу, который так и замер, сидя на мягких своих телесах, со свистом втягивая воздух:

– Ты же меня сам потчевал?! – бывшему пастырю только и оставалось – пытаться выдерживать этот взгляд, придавливающий и прожигающий насквозь.

Теперь, глядя в драконьи глазищи, начал Варела чувствовать, что смерть пришла. Там, где были только что его родные, всю жизнь бывшие с ним, мяконикие тепленькие ушки, зияли кровавые дыры, из которых заструилась медленно стекающая алая жидкость. Почувствовал, как съеденное за всю жизнь выходит, выдавливается из увеличивающихся пор на коже, скапливается и окутывает его кости плотной, горячей массой. Почувствовал, как надуваются все его внутренности, как увеличивается голова, как становятся мягкими кости, раздувается изнутри кожа, растягивается во все стороны сразу с мучительной болью. Такая родная, своя, пусть и жиденькая, кровушка начала закипать, ее не хватало, и она бежала все быстрее и быстрее, вытекая оттуда, где раньше были уши.

– Человечек, мучаешься? – Дракон смотрел, любясь, на казнимого. – Так на тебя сейчас приятно взглянуть, ты себе не представляешь. Проси теперь господина нашего, чтобы он принял твою клятву, повторяй за мной: «Жизнь за тебя, отец зла, жизнь мою за тебя!»

Взмолился бывший монах о милосердии, молил о быстрой смерти – равнодушный взгляд лишь в ответ, закричал тогда в последней надежде:

– Жизнь за тебя, отец зла, жизнь мою за тебя, темнобородый!

Изменения, происходившие с ним, стали необратимы и страшны. Надувание и увеличение достигло таких размеров, что кожа не выдержала и начала лопаться, то там, то сям, пропуская кровавые ручейки. Стремительно выросшие, причиняя тем самым адские боли, бедренные кости вылезли наружу и изумленно торчали в разные стороны, блистая неизведанной белизной. За бедренными костями начали с невообразимой скоростью оголяться и другие кости. Ослепительно мерцающая белизной, скапывающая с них кровь еще дымилась и собиралась в лужицы, такие яркие на зеленой влажной травке. Полопавшаяся кожа с тихим шелестом упала на кровавые лужи и улеглась мягкими складками рядом со своим хозяином, который от невиданных мук мог только вращать выпученными до предела глазами. Он был в полном сознании, даже ужасная боль не затуманила разум ни на миг. Это был проклятый Хронов дар – чувствовать все до самого конца, до полного превращения. То, что совсем недавно было монахом Иезекилем, начало растягиваться и увеличиваться. Вот оно начало покидать кости, лишь только на лице еще остались кожа и мышцы, которые постоянно подергивались судорогами боли, искажая до неузнаваемости. Отделившись от костей, алое с белоснежными жировыми прослойками, упало на кожу, покрывалом дымящимся окутав то, что недавно было пухлыми ногами. Трепещущий остов, скрепленный лишь сухожилиями, вдруг был неведомой силой поставлен на все четыре конечности и тоже начал расти. Стремительно увеличивался ввысь и вширь, из глубины откуда-то выпластались чешуи, каждая размером со средних размеров валун, покрывая костяной остов. Боль начала изменять самую человеческую сущность, уничтожая мысли и чувства. Лицо уже стало спокойно, несмотря ни на что – пока еще лицо, но и оно переставало быть ликом человеческим, а становилось жуткой мордой из кошмарных снов. Руки с жутким скрежетом разломились вдоль, каждая – на две части. Из верхних частей выпростались перепончатые крылья, на нижних частях пальцы скрючились в изогнутые когти, отливающие металлическим блеском. Ноги же, наоборот, словно слились в одну, и стремительно удлинялись и утолщались, превращаясь в хвост, чудовищных размеров, покрытый чешуей. Страх смерти уходил так же стремительно, как свершалось превращение.

Дракон-палач как-то незаметно потерял свою величавость и блеск, и теперь от него поднимались тонкие струйки дыма. Вот дыма стало больше, да и гуще он стал – миг, и вспыхнул синим пламенем, а еще через миг не осталось даже кучки пепла. Палач исчез, словно его и не было никогда – участь Хроновых вестников предсказуема, они существуют, пока у хозяина есть в них надобность. К превращенному же снова пришел голод. Его новое громадное тело алкало пищи. Душа монаха летела в хранилища, глухая ко всему, была она обречена ощущать постоянный жестокий голод, и не получать насыщения.

Дракон еще неумело управлялся со своим телом, взлететь удалось очень не скоро, а когтями он поцарапал себе глаз, да так, что шрам от этого долгое время безобразил веко. Содранную с века кожицу он сожрал, выскребая клыками из-под изогнутых когтей. Голод, такой, словно ему несколько веков, отправил на охоту своего нынешнего раба. Рядом с Ущельем нашлась яма, хорошая такая, глубокая, кишачая гадами ползучими, крысами всех расцветок и огромными, бородавчатыми жабами. Вся эта живность пищала, шипела, квакала на разные голоса так, что перекрывала даже шум водопада. Ехидный голос исчезнувшего палача звучал из ниоткуда, становясь все выше и тоньше:

– Да, братец, есть ты можешь теперь вдоволь, но пища твоя вот она, рядом, в яме ползает, шуршит, пищит и квакает. Это тебе сначала будет непривычно, а потом ничего, через пару сотен лун привыкнешь, и будешь наслаждаться хрустом перемалываемых еще теплых косточек жертвы, вкусом холодной змеиной крови, и будешь полировать чешую свою только что снятой шкуркой какой-нибудь незадачливой крыски. Ты только к рыцарям не лезь, они нынче бешеные стали, совсем не соображают. Так и хотят, чтобы ими пообедали. А после них изжога страшная. Будешь потом плевать туманными столбами даже во сне. А так все тебе понравится. Жить можешь тут, возле воды, драться изредка придется. Ты порывивай временами,

для острастки, тут народец запуганный, они и лезть не будут. От девиц и от золотишка или камней каких – не отказывайся. Мало ли кто к тебе в Ущелья понаведается – так будет чем откупиться. Ты и человеком-то был трусливым, так и драконом таким же будешь. И это, забыл совсем, имечко тебе другое придется принять. А чтобы не позабыл, оно с твоим схожее – Вальтер ты, – голос стих до комариного писка и потом пропал вовсе.

Преобразившийся поднял рогатую голову и завыл, зарычал, выпустив из ноздрей плотную струю тумана, а из глотки – выдохнул иссиня-белое пламя. В этом полурывке-полувое было все: горечь, жалоба, голод, мольба. Взлетел рык, встал дракон на крыло, приподнялся, а потом резко упал оземь и затих. С неизбывной тоской почувствовал, что человеческие его воспоминания комкаются и уходят. От этого стало легче, боль и страх прошли, остался лишь голод. Повел рогатой головой по сторонам, принимался, раздувая ноздри. Учужал, что народились у полосатой крысы в яме крысеныши. Склонился и зачерпнул пастью все, что попало на клык. Захрустел косточками, пробуя. Пережевал. Фыркнул. Подошел, переваливаясь, к яме поближе, опустил туда длинную шею и начал, причавкивая и похрустывая, жевать все, что было в ней и не успело сбежать... И вот свершилось – затихла человеческая память, став памятью драконьей, которая помнила только то, что помнили драконы, хроновы дети. Сожранное удачно упало в желудок.

Где-то высоко засияли солнца в омытом дождями небе, над ущельем раскинулись радуги, выгнув высокие многоцветные спины. Защебетали вновь невидимые птицы, застрекотали и зашептались насекомые, стали слышны звуки великого Ущелья Водопадов, снова живущего своей жизнью. Жители поселений, окружающих Ущелье, после этой страшной грозы услышали страшный рык и зашептались, что вот де, скоро конец всему настанет... Вспоминали великое предсказание и предания о проклятых драконах, пугали ими и Хроном детей на ночь, чтобы неповадно тем на подворье выходить.

Глава 3. Путь рыцаря

В ночной тишине мягко пылила дорога под копытами лошади, несущей всадника. Тихо было окрест, лишь только вдалеке вспыхивали зарницы, да ворчал потихоньку гром, где-то в той стороне Ущелья Водопадов – по картам судя. Голова всадника покачивалась в такт поступи лошади. Кажется, спит всадник и вроде даже слышно похрапывание. Ан нет, нет сна в его глазах, всадник едет в полных боевых доспехах, сняв только шлем. Доспехи отливают в звездном свете, мерцая то синим, то черным, и отблеск этот виден в прикрытых отекавших глазах рыцаря, хотя в тени голова от капюшона синего плаща, мягкими складками лежащего на крупе коня. На плаще – герб, на поясе – двуручный меч, мягко позвякивают серебряные шпоры. Что занесло рыцаря на эту пустынную дорогу, по которой только убийцы, воры, незаконные девицы-тиманти, да всякое другое отребье уходит из городов, никто не знает, да и нам неведомо. Час ночной страшен, сейчас сильны древние проклятия, а в лунном свете ожидают чудовища, над которыми смеются днем. Дневная жара сменилась ночной прохладой, тихо и сумрачно, звездный свет пронзает мягкую сумеречную синеву. Вскрикнет где спросонья птица какая, сверчки орут, надрываются, как в последний раз. Узкие зеленые плети свисают с деревьев на дорогу и будто глядят во все листья, и нет-нет щекотнут по щеке проезжающего. Рыцарь выехал из тени деревьев, и видно стало, что под седлом у него не просто конь, а бесценное сокровище – белокрылый единорог, подаренный за какие-то особенные подвиги. Ибо купить или украсть единорога невозможно. Слишком страшны муки для вора, посягнувшего на божественный дар Примам.

Рыцарь был мирской и ехал из столицы Мира – Блангорры. Доспехи его еще покрыты пылью и кровью, вынесенными с ристалищ турнира. Турнира, который он должен был выиграть. Турнира, в котором ему уже не один год не было равных. Пока не появился этот чужак.

Горькие мысли будоражили кровь, не давая сомкнуть глаз. Как они посмели, как допустили неизвестного рыцаря к турниру??? Явился весь в пыли и выкликнул его, именно его на поединок. Это его-то, рыцаря Райдера фон Изма, который слыл одним из лучших в клане пастырей! Да он был приближенным к самому Магистру! И, наконец, ему за подвиги ратные Прим пожаловал из своего табуна Белокрыла, и сама правительница вплела в гриву единорога золотые нити, и надела на рог его узду. Он был сильнейшим, любимейшим был. Это ему в прошлогоднем турнире пожаловала свой платок сама Прима. А этот, явился, рыцарь – без роду, без племени. Ни тебе пажей, ни оруженосцев... Да у него даже герба на плаще не было!!! Только потемневшие серебряные шпоры выдавали в неизвестном рыцаря. Да астрономы своим чутьем могли кровь его распознать, что пастырь это. Спрятался в доспехи, как улитка, поглядывает, знай себе. Трибуны заволновались, поползли шепотки. Народ любит таких выскочек, каждому кажется, что и он так сможет. Многие потом будут грезить, и видеть сны, как сами на ристалище стоят и ждут, молча, спокойно, только резвый конь нетерпеливо бьет копытом и роет песок, да позвякивают какие-то металлические части в упряжи. Фон Изм стоял и слышал, как по трибунам говорили, что он, наверное, трусил, коли молчит, боится проиграть неизвестному... А рыцарь разве может биться с неизвестным противником? А ну как за забралом свободнокровка окажется – и где после этого рыцарская честь? Да нет же, принудили, почти силком заставили.

На ристалище выехали Райдер фон Изм и неизвестный. Неудачи преследовали Райдера в этот день. Копье после первого же удара погнулось, а потом и древко сломалось. Меч, который не раз выручал его в сражениях, раскололся пополам после первого удара. Да что там говорить, у рыцаря самого руки не поднимались, бил вполсилы. «Колдовство, не иначе», – мелькало в мыслях, пока шел бой. Изменить ход боя он был не властен. И проиграл, и по правилам поединка пришлось отдавать награды, которые он заработал, участвуя во всех битвах

и турнирах, на которые смог попасть. Да это было бы полбеды – быть побежденным в честном бою на турнире – не так уж и зазорно, да и наград не жаль – новые заработает или купит. Самое страшное случилось, когда трибуны, а вслед за ними Примы потребовали, чтобы неизвестный открыл лицо. Народ желал лицезреть, узнать имя нового победителя. Победитель ненадолго задумался. Тишина стояла на ристалище такая, что слышался только шум хлопающих на ветру флагов, да ржанье жеребцов, еще охваченных пылом схватки. А потом неизвестный снял шлем. И рыцарь увидел безусое юное лицо, рыжие кудри – такие знакомые. И лицо, лицо своего младшего брата, которого он не видел уже лет 15.

Райдер был единственным ребенком в семье до того времени, пока ему не исполнилось 10. Отец, его Райдер фон Изм-старший, сын пастыря фон Изма, давно почившего, ушел в поход, возглавляемым великим Магистром. Фон Изм-старший служил небесным праотцам с мечом и щитом в руках. Поход продолжался долгие пять лет, в течение которых супруга рыцаря сама вела все хозяйство и воспитывала маленького Райдера. И вот отец вернулся аккурат ко дню рождения сына. Он был одним из немногих выживших в походе и был дружен с самим Магистром. Привез богатства всякие несметные и порой таинственные, кучу подарков. Десятый день рождения наследника отпраздновали, как положено – с фейерверками, различными яствами, потешными боями. Райдер-младший получил от отца редкой красоты меч, а от матушки – жеребчика, вороного, который обнадёживал вырасти в великолепного скакуна. А потом, через положенное на то время родился у Измов сын. Младший, Кеннет фон Изм. Райдер с замиранием сердца сидел в соседней с родительской спальней комнатухе, ожидая, что раздадутся сейчас слова великого предсказания, и новорожденного брата увезут и снова все станет, как раньше – вся любовь и все внимание будут для него, для Райдера. Подрастая, Кеннет вытеснил, сам того не замечая, Райдера из родительских сердец. Весь двор любил младшенького сильнее. Он был умнее, красивее, а самое главное – гораздо добрее, чем старший брат. Еще ковыляя по садику на непослушных ножках, в белой рубашонке, в беспштанном детстве, с копной ярко-рыжих кудряшек маленький Кен был так хорош, что всякий, шедший мимо, останавливался полюбоваться и посюсюкать. Райдеру в то время уже шел 13-ый год, и его было решено отправить на обучение. Учителем должен был стать один из немногих друзей отца по Ордену, тот, что тоже благополучно вернулся из дальнего похода. Райдер со слезами умолял мать, валялся в ногах у отца, говорил, что он будет учиться у него, будет самым прилежным учеником и лучшим в Мире сыном. Но родители были непреклонны, ссылаясь на обычаи. И вот ранним утром, когда еще туман переливался жемчужно-серыми оттенками в лучах восходящего солнца, юный Райдер в сопровождении оруженосца, отправился в соседний замок на учебу.

Годы вдали от родительского дома тянулись медленно. Учебы было мало, приходилось быть больше слугой, чем учеником рыцаря. Три года был на побегушках у хозяина, потом был повышен до звания пажа у хозяйки. Жена хозяина замка, а по обычаю – дама сердца для всех учеников рыцаря, о которой ученики должны вздыхать и мечтать, посвящая ей стихи, песни и сонеты, оказалось капризной до одурения, ревливой и непостоянной. Хотя хороша была она так же, как и взбалмошна. Рыцарь фон Маар души в супруге не чаял, смотрел на все ее похождения сквозь пальцы и убил бы любого, кто осмелился сказать что-либо дурное о своей прекрасной хозяйке.

Определили Райдера сначала изучать прекрасное к даме сердца. Звали ее Вита фон Маар, досточтимая супруга рыцаря. Ну, она и научила. Раздвигая ноги перед каждым, кто казался ей мало-мальски привлекателен или, наоборот, слишком уродлив, в общем, если свербело у дамы Виты – нужно было ее ублажить. А кто, фи, какой глупый вопрос. Иногда доставляли подарки – выпрошенные у мужа или шантажом вымогаемые у поклонников – тогда Витушка, как нежно звал ее любящий супруг, просто таяла, и в этот день звала всех душками, и бесконечно лобызала свою собачку. Собачонку эту она безмерно любила, холила и баловала, как

родное дитя. Родных же детей отсылала сразу после рождения к кормилице в прирамковую деревушку, как того требовал обычай. Да и не любила она детей, ни своих, ни чужих. Против природы не попрешь, рожать приходилось, новорожденные лишь на секунду вызывали у Виты брезгливое любопытство, потом она вручала младенцев служанкам и напроць выкидывала даже мысли о них из своей прелестной головки.

Когда впервые дама фон Маар вызвала к себе новоиспеченного пажа, его снедало любопытство – слишком уж откровенные шепотки вызывала ее неуголимая похоть. Приказала раздеться, обошла кругом. Надо сказать, юный Райдер в свои 16 лет выглядел гораздо старше и крепче. Природа не обделила его ни статью, ни мужским естеством. Был он высок, крепок в кости, темноволос и кареглаз. Спина и грудь заросли сплошь мягким курчавым волосом. Дама Вита провела пальчиком по его груди и покраснелась, задышала чаще. Она, как истинная дочь клана повитух, знала о мужчинах и женщинах все – с самого рождения. Сказала, чтобы он пришел после тушения огней. Он не осмелился противоречить, засмутился. Дама высородна, хозяйка замка и такое сразу внимание к необученному пажу-желторотику. Хотя он и раньше слышал, как шепчутся товарищи по обучению о том, что она вытворяет в хозяйских покоях, особенно, когда хозяин уезжает.

Когда вошел он к ней ночью – юнец неразумный, обнаженных женщин видевший случайно да мельком. А тут – пухлая, полуобнаженная, спелая, как сочащийся нектаром плод – протяни руку и утонешь, хозяйка возлежала на мягких перинах ложа, поманила его пальчиком, благоухая сладкими духами. Райдер подошел, как заколдованный, от ароматов кружилась голова.

– Выпей, друг мой, кубок вина, – голос был под стать внешности, глубокий, бархатный, мягкий, влекущий, отчетливый. Паж протянул руку и взял мелко подрагивающей от возбуждения рукой предложенный кубок. Райдер от зрелища этого и от крепкого вина совсем было потерял голову. Пригубил и, как в омут – в объятия к ней. Лежа потом рядом, остывая от любовного пыла, юный паж поинтересовался:

– Вита, а как же теперь муж твой? Ты разведешься, и мы уедем?

В ответ дама Вита недоуменно уставилась на него своими влекущими глазами, потом хрипло расхохоталась, столкнула с ложа и прогнала. Она использовала его, как машину для улаживания своей похоти – и потом неоднократно. Как дубинку из дерева выточенную, с которой она не расставалась в любовных играх. Это потом он узнал, что в еду и питье подливали снадобье, воспаляющее плоть, тем, кого она выбирала. Развратна была дама донельзя. Творила с ними такое, что до сих пор при воспоминаниях передергивало – поначалу было любопытно, но пресыщение наступало быстро. Дама Вита вызывала желание, но сразу после его удовлетворения становилась мерзкой и противной, что хотелось бежать и смыть ее поцелуи немедленно, будто бы они грязнее грязи и липким от ее любви становилось все тело. Тепла в ней было, как в холодной слизи, растущей на стенках глубоких колодцев. Райдер надоел ей через месяц. Сколько он видел потом других, выходящих из ее комнаты через потайную дверцу. И он никогда никому из последующих ее любимчиков не завидовал – после того взгляда, после первого раза, когда растоптала она юную любовь. Возненавидел ее всем пылом своего юного сердца. Но он уже достаточно повзрослел и твердо знал, что домой ему дороги нет, а наговорить на хозяйку – это подписать себе смертный приговор. Сакс фон Маар, муж ее, ныне отошедший от дел, но еще крепкий рыцарь, был всегда предан Магистру. Отсюда и крылось все его богатство и могущество. Молча побаивались его соседи и заискивали. А ну как узнает, о чем шепчутся по вечерам, да напишет письмецо Великому Магистру, а то по следу весовщиков направит – кто ныне без греха? Много было таких, за кем приходили, и потом никого из них и их семей никогда и нигде не видели.

Утро учеников начиналось с чистки конюшен, потом надо было накормить всех замковых лошадей, потом вымыть их и вычесать, принести воды на заващанную помывку, потом застав-

лял господин фон Маар бегать с ведрами, полными песка, по двору – как он говорил, «дабы тренировать мысцы ваши». Потом немного фехтовали, причем, когда хозяин был в добром расположении, показывал иногда тайные приемы пастырей, которые знали только рыцари ордена. Потом изнурительная многочасовая джигитовка. А лошадок давали самых что ни на есть бешеных. За малейшую ошибку или провинность секли немилосердно. Весь день гоняли всех учеников по двору замка. Вечером будущие рыцари валились на соломенную подстилку без сил. А те, кем хозяйка не пресытилась, приходилось отбывать еще и постельную повинность у нее. Иногда двоим-троим одновременно. Хозяин о ее пристрастиях знал, и смотрел на эти шалости сквозь пальцы. Только ученикам потом доставалось, муштровал их нещадно.

Фон Изм-младший получил свои серебряные шпоры, и обучение закончил после долгих восьми лет. Хозяин Замка решил устроить турнир, чтобы прославить свою супругу. Ну, то есть было так: дама Вита проснулась и сообщила своему супругу, что «было бы неплохо для упрочения славы об ее небесной и немеркнувшей красоте на зависть соседкам, ну, в общем, дорогой, пусть мальчики с копьями и мечами по ристалищу нашему побегают, они такие миленькие во время турнира». Понеслись курьеры по замкам, чтобы оповестить соседей и вызвать рыцарей на бой. В столицу вызовы посылать не стали, только для местных, по-домашнему. Дама Вита решила, что для нее будет достаточно и титула «самой прекрасной дамы» без добавления покоренных ее красой областей. Юнца пажа, только недавно познакомившегося с брадобреем, никто в расчет не брал, ученики не участвовали в турнирах. Райдер был наказан, за то, что смотрел дерзостно. В наказание он должен был носить хозяйкину собачку – редкостную мерзость. Она была тупа донельзя, блохаста, и, нагревшись от тепла солнц и рук, воняла псиной гадостно.

Райдер, одурев в конец от учебы, втихомолку сунул монетку, одну из иногда присылаемых родителями ему лично, замковому писарю, и тот вписал его имя в списки. Когда начали разбивать бойцов на пары, были все очень удивлены, услышав от герольда имя ученика, фон Изма в списке. Биться пришлось против рыцаря с окраины округа, покрытого шрамами, которому, при случае и проиграть было не зазорно. Но удача в тот день была на стороне молодости, поэтому Райдер бой выиграл, не получив ни единой царапины. Получил свои первые серебряные шпоры, меч, коня, доспехи и самое главное – обрел долгожданную свободу. Которой не преминул воспользоваться. В призамковой таверне повеселился на славу, ибо новоиспеченному рыцарю все отдавали бесплатно в течение целого месяца. Примета такая была у мирян – что все подаренное новоиспеченному рыцарю-пастырю счастье принесет и отведет любую беду. Все, что предлагалось – было от чистого сердца. Только вот на незаконных девиц, которые вились вокруг юного рыцаря в тот памятный день, не мог смотреть даже. Сразу из детства вспомнилось такое – был праздник Новолетья, и можно было сладкого есть, сколько влезет. Все дарили детям сладости, и каждому хотелось узнать – вкусный ли дар, приходилось пробовать, и к концу дня уже просто подташнивало и хотелось соленого чего-нибудь.

Прокутил недельку, вторую. Проснувшись как-то утром, полежал, подумал и, решив прославиться, направил путь свой в столицу. Испросив у фон Маара, в качестве последнего расчета, рекомендательное письмо Магистру – у отца просить гордость не позволяла, помнил до сих пор, как в ногах валялся, умолял не отсылать из дому, хотел быть его учеником. Собрал свои немудреные пожитки и двинулся в Блангорру.

Судьба подхватила его в свои заботливые руки и ласково несла вплоть до вчерашнего дня. Не было турнира, который он пропустил, если конечно, это был престижный турнир. И не было турнира, в котором он проиграл, или был ранен. Участвовал во всех мало-мальски серьезных сражениях, дрался на бесчисленных дуэлях за свою Прекрасную Даму. Надо сказать, Дама теперь у него была такая, что и умереть за нее не жаль. Сама Прекрасная Прима почтила честью быть Дамой его сердца. Впрочем, как и у тысячи тысяч других вояк, с разрешения Прима, конечно. Поговаривали, что платки, которые правительница раздает своим верным рыцарям,

готовит целый цех прекрасных швеек. Впрочем, на красивую женщину во все времена возводилась напраслина, невзирая на ее положение. Может, и сама она их вышивала, надо же ей чему-то в Пресветлом Дворце заниматься. Жизнь была прекрасна. После разгрома табора кочевников, которые осмелились появиться на границе Мира, за смекалку и храбрость, проявленную при проведении операции, был отмечен Райдер особо. Почести и слава сыпались на рыцаря. Считал он себя баловнем судьбы, забыв напрочь об отчем доме и о семье своей. До сегодняшнего дня...

Этот хронов юнец, он-то знал, с кем будет биться, знал все его слабые места! Это его лица не было видно, это его имени никто не знал. А потом, когда бой начался – почернели солнца, потемнело небо – казалось, все было против Райдера. Кто обучил неизвестного рыцаря так владеть мечом и копьем? Казалось, скаун и всадник связаны незримой нитью. А меч? Где он взял свое оружие??? Доспехи его сияли на свету, будто были сделаны из драгоценного металла. Помнится, в семье фон Измов было много всякого оружия и доспехов развешано на стенах замка. Но маленькому Райдеру разрешалось только смотреть на это и, лишь когда перед отправкой снаряжали на учебу, вручен был ему меч, добытый отцом в походе. А тут – такое великолепие, конечно, для любимчика своего расстарались – все лучшее отдали!

И вот – победил неизвестный. Горечь поражения вошла в сердце Райдера и засела в нем ледяной иглой. И как был он побежден – выбит из седла, да при падении так треснулся головой, что искры из глаз посыпались, и на мгновение потемнело в глазах. И упал как-то неловко, как шут, трибуны просто взорвались смехом. А когда он очнулся – победитель уже шел вдоль трибун, под крики толпы нес поверженное знамя Райдера и его меч, вел его лошадь, сняв, наконец, шлем. Рыжие кудри развевались на легком ветру – сезон ветров только начинался – напомнив детство – маленький Кеннет бродит возле замка и все, все без исключения смотрят и любят только им. А поверженный рыцарь сидел на песке ристалища, и ярость загоралась в его глазах. Бешенство застилало ему глаза кровавой пеленой. Встал, покачнувшись, ушел в свой шатер, где никого не было, ни одного слуги или пажа. Все ушли пляться на нового победителя. С трудом содрал с себя доспехи, но тут полученная рана дала о себе знать, покачнувшись и с размаху уселся на сундук, в котором хранились добытые во всех стычках награды. И тут услышал шелест откидываемого входного полотнища. Закричал нервно, что «непонятно, за что вам жалование платить и бить запретили даже, если вы шляетесь где – неизвестно, а ваш господин сидит раненый». И так довольно долго распалялся Райдер, пока не соизволил приоткрыть глаза. И увидел своего младшего брата, который смотрел на него и улыбался. Вскипел проигравший, хотел вскочить, да ноги не держали:

– Чего ты тут лыбишься стоишь, пришел забрать оставшееся? Да забирай, забирай, я себе еще выиграю, а тебе, небось, и участвовать-то в боях таких больше не придется! Вон единорог в стойле – его тоже забирай, тебе-то никогда не заслужить такого!

Кеннет уже не просто улыбался, он рассмеялся:

– Вот не думал, что ты меня так встретишь. Верил, что поможешь, посоветуешь, с рекомендациями поможешь или проводишь к Магистру. Матушка говорила, что ты у него в чести. Новости о доме хотел рассказать. Отец наш пропал, поехал к ущельским, да и не вернулся. У Магистра рыцарей просить хотел, чтобы поиск организовать, он же его должен помнить. Прости меня, брат, что подшутил так над тобой. К тебе же не пробиться иначе было, а я, если бы тебя сегодня не увидел, домой бы уже уехал, матушке пообещал. Она слегла после отцовского исчезновения и, наверное, не поднимается больше. Ждет нас с тобой, хочет пообщаться с обоими. Давай ввечеру встретимся, когда уже солнца сядут, и не будет пекла такого, а? Я на Речном перекрестке шатер синий поставлю и буду тебя ждать. А если надумаешь, так оттуда вместе и в замок наш поедем.

Замолчал, постоял недолго, вглядываясь в лицо брата, но ответа так и не дождался. На этом братья расстались, Кеннет ушел праздновать свою первую победу, а Райдер, в одиночестве остался смаковать горечь своего поражения.

Смеркалось. И вот, едет Райдер фон Изм, бывшая краса и гордость блангоррского рыцарства, сын пастыря, имя которого до сих пор упоминают, как справедливого, исключительно честного и доброго, по ночным тропам на своем верном единороге на ночное свидание с младшим братом. Ледяная заноза поражения уже прочно проросла в сердце и постепенно превращалась глыбу, замораживая чувства. Мысли не давали ни отдыха, ни покоя, казалось, что все вокруг кричит: «Ты проиграл! Ты проиграл!», – издевательски похихикивая. Лицо брата превращалось в гримасничающую маску, которая тоже кричала о проигрыше. Вокруг летало уже много таких кривляющихся масок-лиц – Примов, прекрасных и не очень дам, родителей, лица всей ненавистной семейки фон Мааров, всех остальных фонов и их прислуги, даже сам Магистр, он тоже кричал и смеялся.

Внезапно Белокрыл остушился – на тропинке темнела небольшая яма, рыцарь встрепнулся, открыл глаза, разогнав сонм видений. Брр, почудится же такое! Вот уже перекресток заветный и шатер синий неподалеку, рядом с рекой. Тут бы и обрадоваться Райдеру – скорой встрече с братом, новостям о родных и близких. Но сердце рыцаря наполнил взметнувшийся осадок, с самого дна – злоба, ярость, ненависть к родителям, променявших его, старшего, продолжателя рода на этого рыжего щенка, тоска, одиночество и зависть. Зависть к молодости, красоте, силе, доброте. Зависть к тому, кто любим, и умеет любить, кто добром воздаст за добро. Лютая, бешеная зависть. До скрипа зубовного, до помутнения рассудка, до желаний неумных. И странно это, по мере приближения к шатру, все улеглось и сменилось странным чувством обреченности и предрешенности. Облегчения не наступило, стало лишь покойно, и бешеное буйство мыслей сменилось одной – убить.

Подъехав к коновязи, спешил, приказал Белокрылу ждать. Откинул входное полотнище и ступил вглубь шалаша – слуг нет, отосланы куда-то. Тю, а братец-то спит. Видно, что готовился к встрече, стол накрыл по-праздничному. Долго ждать пришлось, а сон разрешения не спрашивает, сморил молодца. Спит Кеннет, склонив рыжеволосую голову на руки, прямо тут за столом. Ярко золотятся кудри в свете факелов, рядом отблескивают чистым серебром столовые приборы. Тепло, уютно, по-домашнему. Как будто женская рука прибирала и накрывала, да только всегда славился младшенький своей любовью к уюту и порядку – в детстве Райдер даже дразнил его «манюнькой» за эту страсть.

Багровым огнем полыхнуло в голове, и теперь уже не было спасения, послушная року ладонь обхватила рукоять меча, замахнулась и все – юнец даже не успел проснуться. Голова, оставшись более без поддержки, упала на застеленный коврами пол и откатилась от стола, остановилась, глядя незрячими, закрытыми, а от этого еще более страшными глазами. Тело, помедлив немного, рухнуло со стула с негромким шорохом. Из перерубленных артерий хлынула алая кровь, окропив все вокруг и обрызгав ноги рыцаря.

В этот миг будто бы нечто громадное пронеслось над шатром, раздался грохот, потом скрежет – камни на берегу с хрустом распадались на части, словно на них попало нечто очень тяжелое. Наступила тишь, такая, что вздохнуть страшно. Слышался хлюпающий звук вытекающей из тела крови – размеренный и затихающий. Райдер вытер меч о скатерть и вышел из шатра. Звук позвякивающих серебряных рыцарских шпор в наступившей тишине казался таким громким, словно мимо проходила, клацающая доспехами, целая армия. Вышел и остолбенел. Ничто вокруг не напоминало того перекрестка речных дорог, где он недавно спешил. Все вокруг потемнело, заволось темно-синей мглой, а Белокрыл куда-то исчез. Посвистел – не откликнулся, покричал – молчит, в мыслях своих отдал приказ появиться – нет ответа. Вокруг не было больше ничего – кроме тишины и синевы. Оглянулся Райдер – а и шатер-то уже исчез. Послышалось тихое шипение, облако тьмы еще сильнее сгустилось, и раздалось откуда-

то сверху слова, с превеликим трудом исторгающиеся из громадной какой-то глотки, цепляясь за громадные клыки: «Какой славный был бой... Один меч – одна голова... Все по-честному, всего поровну... Да и противник не очень-то сопротивлялся, наверное, жить не хотел». Рыцарь-братоубийца, оглядываясь в приступе паники, видел лишь сгущающиеся тени, пляшущие вокруг – серые, жемчужные, черные. Но страха не было, как только сказано было первое слово – вернулось спокойствие и ощущение предрешенности. Какой-то неясный силуэт начал проявляться среди этого серо-черно-белого шипения.

Открылись, закрылись и вновь открылись глаза – в человеческий рост, дымчато-серые, с вертикальными, как у змеи, зрачками, послышался все тот же шипящий звук и стал виден его источник – облако темного пара, как от кипящей воды, вырывающееся из ноздрей дракона. Слышал, слышал рыцарь об этих ящерах, но никогда и никого не встречал из тех, кто видел их воочию. И вот теперь – видит сам. Дракон мягко прошипел, перебивая сам себя:

– Ну что, воин, сразился? Победил? А свидетелей не было? О! Как это не было. Я же твой свидетель. Убить меня сможешь? Что молчишь, перепугался? Весовщиков ждешь?

Рыцарь по-прежнему стоял, вцепившись в меч и не промолвив ни слова.

– ЭЭЭЭХ, люблю я вас, людишек, за чувства ваши добрые... Натворят делов и стоят столб столбом, слова не вытянешь. Рыцарь, я тя есть не буду, не боись. Ты ведь не молодеешь, жесток и невкусен ты, лучше уж девицу где-нибудь умыкну, вот тогда полакомлюсь. Хрон таких, как ты, ох, как любит. Поспешит тебя в свиту свою прибрать. Ему бы таких побольше хотелось встретить.

Рыцарь немного пришел в себя и подумал, что все-таки переутомился, переволновался, пьян, спит или еще что-то с головой приключилось. Эта мысль придала ему бодрости и смелости, он смог ответить:

– Да я не убивал его, зашел в шатер, а он уже мертвый и обезглавленный лежит.

Громовой хохот был ему ответом:

– Ну да, малой этот, сидел, понимаешь, сидел. А потом решил свой меч почистить или там поточить – во сне чего только не придумаешь. Ручка-то раз, возьми и сорвись, а мечик по шейке чирк – и все, конец мальчику, какое жестокое самоубийство, да? Или нет – он уже мертвый приехал, а? Не забывай, ты, я – СВИДЕТЕЛЬ, я же тебе сказал. Видел я, как ты тут мечиком чиркнул по шейке беззащитной. Сознаться, что ты упираешься. Свинья не выдаст, дракон не съест. И весовщик не узнает.

– А какой мне толк в том, что я сознаюсь? Ты возьмешь и донесешь на меня. А так, без признания, кто тебе поверит, если я от трупа избавлюсь и кровь смою?!

Дракон смеялся так, что снова повалил темный дым, и вздыбились кожистые крылья,

– Да ты весельчак, банка консервная. Кто же в драконов верит, а, тем более, если дракон к весовщикам прилетит, мол, вот видел я, как пастырь один у речного перекрестка когой-то головы лишил? Ну, ты рыцарь, голова – ведро садовое. Мы есть, да? Ты до этого же каждый день нас видел, на каждом углу – по дракону, точно. Мы живем с вами по соседству, да? Это ты, наверное, все-таки с перепугу сморозил. Я вот и думать уже начинаю, может ну тебя в лес, а, рыцарь? Живи ты со своей душонкой в разлад или в лад, мне-то, что до этого?! Я на тебя без слез и смеха смотреть-то не могу. А мне же прельщать тебя надо речами бредовыми да соблазнительными. А я, как только на тебя посмотрю, у меня в животе щекотно, как куча лягушек квакать начинает.

Райдер напрягся, он никогда и никому не позволял над собой смеяться, а тут ящерица-переросток нагло усмехается ему, гордости Мира, прямо в лицо!!! Дракон мгновенно уловил перемену в настроении рыцаря:

– Да, ладно, не пыхти от негодования, господин серебряные шпоры. Пошутил я. Не сердчай, пока сердце у тебя есть – горячее и такое... МММ... живое, что ли. Даже не знаю, как сказать-то. Короче, ты человек неглупый, выдумывать мне лень, а обманывать тебя не хочется.

Да и уговаривать времени у меня нет – хозяин велел побыстрее. Ибо ты горяч, можешь и меня того, извести совсем, – хохотнул, – В общем, рыцарь Райдер фон Изм-младший, ты виновен в лишении жизни безвинно убиенного и в бозе почившего Кеннета фон Изма, брата своего. И я не буду спрашивать тебя, что ты сотворил с братом своим. Я тебе говорю, что ты виновен, и виновен, безусловно. Судить тебя никто не будет, а казнь тебя я. Сейчас. Можешь помолиться вашей святой семерке, попробовать позвать на помощь, ну или попробовать умолить меня, или еще вот – подкупить попробуй. Конечно, последнее совсем бесполезно, как и все остальное, но попытаться ты можешь, а я развлекусь – в хранилищах не всегда веселье.

Дурачился вовсю, наслаждаясь происходящим. Дракон распахнул крылья во всю ширь и хакнул темным облаком мерзкопахнущего дыма. Исчезла дурашливая издевка, и смех в рычании зверя пропал в никуда, как будто и не было вовсе.

– Вина твоя доказана и не может быть оправдана. И убийство брата твоего лишь доказательство твоей вины. А вина твоя – зависть. Зависть вела тебя всю твою жизнь, и она же не давала тебе покоя. Только для того, чтобы вызывать в ком-то другую зависть, и чтобы заглушить свою собственную, ты и свои подвиги совершал, прогнав жизнью своей святую семерку, которая отдала тебя во власть Хрона. Прокляли они тебя. Пойдет душа твоя виновная навеки веков в хранилища. Давай-ка ушки твои подрежем, они проклятым ни к чему.

Остолбеневший рыцарь не мог двинуть даже пальцем, чтобы хотя бы выразить протест или защититься – куда там! Стоял, словно столб. Чирк, сверкнул в свете полыхнувшей молнии острый коготь, и оба уха упали на прибрежную гальку. От ярости, дрожащей в драконьем громяющем глазе и полыхающей в глазах, от боли и унижения от процедуры лишения ушей, от ощущения горячей крови, стекающей на шею, у Райдера перехватило дыхание, побежали горячие мурашки слепящего гнева с ног на голову. Если были какие-то сомнения, то теперь они окончательно испарились. И снова почувствовалась горькая обреченность и странный покой. Вроде ж сейчас убивать будут, а как-то уже и нестрашно, безразлично стало.

Рыцарь шагнул вперед и, подняв последний раз в мирской жизни натренированными за годы поединков руками свой меч, нацелил острие на шею дракона, где пластины чешуи были поменьше и казались не такими монолитно-сплавленными:

– Что ж, раз это смерть пришла, то я встречу ее достойно.

Дракон понимающе кивнул, и что-то вдруг изменилось в глазах, сверкнул огонь в них, появилась гордость за достойного противника. Или, может быть, понимание и сочувствие засветилось в них:

– А ты разве никогда не слышал легенду о том, что тот, кто осмелится убить дракона, должен занять его место? Что драконы вечны, бессмертны и неуязвимы? И прочая и прочая? Властелин теней велит передать тебе предложение, от которого ты не захочешь отказываться – он предлагает тебе стать драконом, одним из семерых, тогда в хранилища ты попадешь попозже, а то и не попадешь вовсе. Тебе лишь нужно сказать: «Жизнь отдам за тебя, повелитель зла! Мою жизнь за тебя!»

И еще вещал что-то, грохотал, рассказывал, да все слова проплывали мимо сознания рыцаря, которое уплывало в никуда, лишь изредка возвращаясь, чтобы зажечь голову унижительной болью от потери ушей. Лишь одно вцепилось в меркнувшее сознание – он может стать драконом, бессмертным, вызывающим зависть своей силой и мощью.

Внезапно сильно похолодало, и рыцарь увидел нечто странное. Берега мелкой речушки, звуки которой вновь стали слышны, покрылись странной прозрачной и скользкой субстанцией, которая и издавала этот промозглый холод. Потом каждый камушек речной засверкал, как драгоценный и стал игольчато-кристальным, похожим на белого блестящего ежа. Дракон сделал шаг вперед и Райдер почувствовал, что неведомая сила подталкивает его, непослушные ноги понесли его поближе к воде. И вот уже ледяные иглы холода начинают покалывать его сердце.

– Жизнь отдам за тебя, повелитель зла! Мою жизнь за тебя, темнобородый, – сил хватило только прошептать.

Да, теперь он знает, как называется это холодное и блестящее – это лед, вот что это такое!!! Рыцарь отступает все ближе и ближе к воде под действием этих горящих глаз, меч, занесенный для удара, примерз к коже рук, и доставляет страшные мучения. И вот уже обе ноги ступают по мелководью, и кажется, что вот-вот и выберется он отсюда или проснется. Вернувшееся сознание шепчет: «Авось, все обойдется, речка-то мелкая, не будет же этот зверь топить меня в этакой луже, подумаешь – уши, в шлеме да под волосами и не видно. И я же согласился, согласился стать таким зверем, как он...» Но вот немеют ноги и холод, ледяной холод разливается по всему телу, сковывает, мысли замедляются и затихают. Леденеет и само сердце и больно. О боги, боги, как же это больно...

– Твое согласие услышано. Темнобородый ждет тебя!

Перед глазами пронеслась вся жизнь – все мгновения, всегда рядом был кто-то, у которого что-либо получалось лучше, сильнее, быстрее или принадлежало нечто лучшее, за что хотелось немедленно наказывать, забирая то, что вызывало такое непреодолимое желание. Если же не мог забрать желаемое, завидовал обладателю заветного до скрипа зубного. Сознание еще жило в несчастном теле, скованном холодом. Все тело рыцаря покрылось ледяной блестящей игольчатой коркой. От усиливающегося холода лопнули серебряные шпоры, доспехи развалились на куски, упали блестящей кучей пыли. Примерзший к руке меч вспыхнул и, свернувшись в штопор, вонзился в лед, покрывший замерзшую речку. Рыцарь стал похож на скульптуру, что в изобилии расставлены в Блангорре – в садах Прима и на площадях столицы. Подул ветерок, и изваяние рассыпалась в прах. Дракон вздохнул, выпустил клубы дымного пламени из пасти. Потоптался, уселся поудобнее на берег, сложив скребущие по льду крылья и стал ждать.

Порывы ледяного ветра усилились. На всей Зории ветры затихли, дыхание всех плененных в хранилищах маленькими вихорьками собрано и отправлено темнобородым сюда. Вот взметнулся прах того, что было славным рыцарем совсем недавно, поднялся вверх, скрутился в тугую спираль. Потемнело, загрохотал гром и комья пушистого льда, нет, это, пожалуй, не было льдом. Клубы неизвестного вещества, такого же холодного, как лед, но пушистого и мягкого, начали сыпать из черных туч. Сыпавшееся вещество сплелось с прахом, ураганным ветром подняло ввысь дремавшего неподвижного дракона – он даже крылья не стал расправлять. На огромной высоте над скованной льдом рекой Детрой смешалось все: дракона-палача разметало на клочки, сплело воедино с прахом казненного и с кружащимися в бешеном танце белыми хлопьями.

Грохочущий ветер бросил жуткую смесь на лед Детры, и она обрела форму, став огромным белоснежным драконом, большим, чем дракон-палач. Белые клочья кожи свисали с его рогатой головы, а пасть, вместо дыма и пламени, извергала столб холода, обращавший все сущее в лед и то неведомое вещество, которое до сих пор сыпалось с небес над Речным перекрестком. Распластались гигантские крылья, иссиня-белые когти скребли речной лед в судороге превращения. Каждая чешуя, покрывающая туловище новоявленного дракона была пластиной тонкого нetaющего, полупрозрачного темно-белого льда. Слияние разумов человека и дракона, так мало похожих друг на друга, заставляло мучиться, корежа увеличивающееся могучее туловище, заставляя нервно трепетать крылья, царапать когтистыми лапами, превращая обледеневшие берега в ледяную крошку – то, что осталось от покрова, сковавшего реку. Рыдания, которые начало было издать человеческое горло в момент смерти, вырывались уже из драконьей пасти. Рыдания перешли в оглушительный рык, и стихли. Человеческая сущность уступала место сущности зверя, и все прошлое тускнело в памяти, и лишь холод и голод остались. Остались навечно. Холод поселился в жидкости, заменяющей кровь и навеки остужая ее. Прятавшийся до сего момента единорог появился из-за кустов, с развевающейся на скаку

гровкой, взревел дурным голосом. Голод так терзал внутренности, что дракон, увидев снежно-белого единорога, пару раз взмахнув крыльями, подлетел и сожрал того, кто верой и правдой служил ему, того, кто был больше, чем просто скакуном – другом был. Пролившаяся горячая алая кровь священного животного, вгрызаясь в гладкую прозрачность, прокладывая путь во все стороны, растеклась по поверхности льда, который намерзал вновь и вновь. Эти алые ручейки заставили дракона сначала поджать когтистые лапы, а потом взлететь и направиться в небо, навстречу восходящим солнцам. Вслед ему донеслись призрачные голоса: «Убийца, убийцааааааааа, братобийцаааа, прервавший жизнь единорогааааааааааа, проклятый, проклятый, проклятый проклятыйййй навекии...»

Лед был раньше замечен только в диких мирах, теперь же и в Мире стал появляться, не каждый сезон, но был. А белое холодное сыпучее вещество, падающее из туч, называли снегом. Хрон же нарек свое новое детище – ледового дракона – Айсом, повелев откликаться на это имя. Астрономы, наблюдавшие миг превращения со своих Часовых башен, долго протирали свои никогда не ошибающиеся глаза, увидев рассеивающуюся мглу, которая создала воющую белую воронку над Речным перекрестком. Краткие мгновения превращения казались бесконечными, ибо время опять засбоило. Вновь засмеялся Хрон в своих чертогах-хронилицах, и вздрогнула Зорья от этого смеха – сотряслись почвы ее, подняв гигантские волны в озерах, морях и океанах.

После рассвета возле Речного перекрестка остались лишь мелкие лужицы холодной воды. Высушенная и скрючившаяся от лютого холода листва деревьев, шелестела, подсыхали кровавые следы, на съезжившейся траве лежал витой рог единорога и темнел синий шатер. Стрекотание утренних насекомых и чирикание просыпающихся птиц приветствовало солнца, которые, не спеша, взбирались на небосклон. Над водой засновали гигантские речные мухи, заплескалась рыбка, выпрыгивая из воды, в надежде позавтракать, волны Детры смыли кровавые следы. Синий шатер с первыми лучами светил завалился внутрь, скрывая произошедшее, а потом как-то быстро покрылся плесенью, пошел темными пятнами, сложился внутрь и истлел, не оставив следа. Щедрая зорийская почва затянула шрам, стыдливо пряча ночное происшествие. Лишь витой рог остался напоминанием о произошедшем. В полузаброшенном замке Измов смертельно больная хозяйка очнулась от тяжелой дремоты, полной мучительных видений, с ощущением непоправимой беды. Простонала: «Дети мои, дети мои», – и скончалась. У ледяного дракона Айса, направлявшегося к хранилищам, екнуло что-то под ребрами, и не осталось более ничего, что связывало бывшего храброго рыцаря-пастыря Райдера фон Изма с Миром.

Глава 4. Лики Виты

Детство Виты прошло неподалеку от Витово-на-Детре в малом замке ее семьи, который и назвать-то замком было трудно. Мать была повитухой, знаменитой своими легкими руками, но вынуждена оставить клановый промысел после замужества, лишь изредка, в особых случаях, одевала она теперь клановую одежду, брала ритуальные ножницы и отправлялась к роженицам или к больным. Отец Виты был богатым свободнорожденным, которому посчастливилось взять в жену повитуху – желаннее их не было в Мире никого, даже исчезнувшие женщины астрономов не могли так сводить с ума мужчин. Но свободная кровь ударила урожденному Брассу в голову, после женитьбе на повитухе приобретшего право на приставку «де» к фамилии. Придумал он, что клановые знания супруга может употребить, и не во благо ему, прежде всего, и семье, хотя никаких предпосылок не было. Посему решил он, что ей следует сидеть дома и заниматься семьей. Ревность и зависть к способностям супруги заставляли выдумывать все более нелепые отговорки, забросив занятие, приносившее ему ранее небольшие доходы – Толий Брасс сопровождал купеческие караваны в качестве охранника. А ныне – о каком сопровождении может быть речь – а ну жена в его отсутствие развлекаться будет на стороне? Вызовут ее к больному, якобы, а она к любовникам убежит? Де Брассы постепенно обнищали донельзя, был продан Большой Замок и все земельные наделы, окружавшие его. Толий и не пытался поправить положения, беспробудно пил, играл во все азартные игры, начал бегать к тимантям. Вернувшись домой после очередного кутежа, кичился, как богат он и как должны все ему быть благодарны, и как свободная кровь может преодолеть всякие клановые предрассудки, да ему и Хрон не брат, и все такое прочее. Вскоре матушке надоело постоянное «веселье» в жизни, и она свела с ней счеты: собрала в близлежащих окрестностях нужные травы, а потом, приготовив зелье, выпила, оставив семейство выживать, как получится, а сама отправилась на встречу со своей небесной повелительницей. Вся округа потом гудела сплетнями долгонько. Сердобольные соседки жалели ребятишек. Все дети были хороши, как картинки, пухленькие и беленькие, головы в светло-русых кудряшках. Маленькая Вита, которой тогда едва минуло 4 года, и которую называли в честь клановой богини, была самой младшей в семье, пухленькой, хорошенькой и смешливой девчушкой. Она была всеобщей любимицей. Даже отец любил свою дочурку в те времена, когда был трезв, и вспоминал о том, что у него есть дети. Но длились такие мгновения все меньше и бывали все реже, и вскоре допился он до того, что упал в реку и не смог выплыть. А еще поговаривали, что он у тимантей дурную болезнь подцепил и вылечиться не мог, вот и сам прыгнул в Детру. Виту отдали в монастырь к Святым сестрам для обучения манерам, да и девать-то ее больше было некуда. Во всем выводке де Брассов была только одна девочка. Братья разошлись по всему Миру в поисках заработка, и больше о них никто в этих местах и не слышал. Виту прочили в жены господину Саксу фон Маару, владевшему Замком неподалеку. Принадлежность к клану повитух давало ей право и в бедности надеяться на удачную партию. Да вот только господин Маар отправился в рыцарский поход, да и пропал где-то.

Девочка росла в серых монашеских одеяниях, в строгости, молитвах и постах воспитываясь. Она перестала быть смешливой, и детская пухлость исчезла от частого недоедания – для сироты нет лишнего куска даже и в монастыре. Не помня ни ласки материнских рук, ни отцовской любви, она стала ребенком Мира. По мнению Святых сестер, росла девочка послушная, скромная, умелая и обещала стать рачительной хозяйкой. Внешне Вита и была таковой. К 16 годам Вита была чудо, как хороша: белесые кудряшки потемнели, приобрели солнечно-золотой цвет и завились в локоны, монашеское одеяние не скрывало ее прекрасно развившуюся фигуру, жаждавшую осознания своей женской сущности. Глаза всегда опущены вниз, послушна, быстра, легкая рука – все, что она лечила, заживало без осложнений. Это –

на виду, милая, скромная девушка с хорошей репутацией. Все родовые таланты были в ней обострены, особенно сексуальность, которая плескалась через край. Ей хватало ума не показывать, что она чувствует на самом деле и какова она. Мать-настоятельница иногда говорила, что Вите бы надо быть немного порезвее и побойчее, и не казаться такой отрешенной, словно и не повитуха она вовсе. Вита порхала по монастырскому двору, стараясь быть любезной со всеми, не поднимая синих глаз от подола, скрывая за длинными ресницами яростный огонь желаний, пылавший в ней. Ночами вертелась Вита на грубых полотняных простынях, умоляя Хрона, чтобы позволил покинуть опостылевшую келью – на Семерку ей уже давно стало наплевать, особенно на Виту небесную, которая позволила ей, названной в честь небесной праматери, оказаться в таком месте. Все искусы и пороки Мира нашли приют в ее душе. Вита была умна не по годам, она знала, что деваться ей из монастыря некуда, а бродить и искать заработка, как ее братья ушли – благодарю покорно. И она ждала, ждала того самого Случая, который бывает один раз в жизни. До монастыря начали доходить слухи, что г-н фон Маар вернулся-таки из своего похода в свой родовой замок с богатой добычей. И поскольку отец его умер, пока сын находился в отлучке, замку грозило запустение, и срочно нужно было жениться, дабы умелая рука хозяйки замка, поддерживала и приумножала богатства рода Мааров. Итак, свершилось, мольбы были услышаны. Прибыли гонцы, которым было велено забрать Виту де Брасс из монастыря. Вита, годами вживаясь в роль милой девочки, хотя и не помнила себя от счастья, не выдала себя ни малейшим жестом. Она рыдала в келье настоятельницы вроде бы потому, что придется расставаться со всем и всеми, с кем прожиты эти долгие годы. А ночью, лежа в последний раз на своем жестком ложе, зная, что она одна и никто за ней теперь точно не наблюдает, она улыбалась так счастливо. Наутро скромница из скромниц Вита с подобающей скорбной миной, с припухшими зареванными глазами приняла благословение матушки и побрела к карете, едва передвигая ноги, которые словно не хотели уносить ее прочь из Монастыря. Едва сдерживаясь, чтобы не побежать со всех ног. Щелкнул кнут возницы, и карета двинулась. Внутри она была обтянута мягкой алой тканью и вся заткана золотой нитью, изображая цветы выюнка, родового символа рода фон Мааров. Сопровождали ее двое слуг будущего супруга, которых на первой ночевке она и соблазнила.

С тех пор немало воды утекло, Вита стала полноправной хозяйкой, муж не чаял в ней души, прощая все ее выходки и невинные, так сказать, шалости на стороне. Холеная, изысканная, прекрасно воспитанная дама Вита стала отъявленной тимантей, достойной быть в свите Хрона. Но об этом – тсс! – никто не знал, а посвященные молчали – кто из страха, кто из принуждения, за кем-то водились секреты и похуже. Истинный лик свой она могла приоткрывать только во время любовных игрищ с учениками мужа, которые уж точно никому не расскажут, потому как не поверят им, и будут они наказаны за напраслину, возводимую на высокочтимую даму. Вита жила в свое удовольствие. Лишь легкое облачко беспокойства возникало от задержки, которая случилась уже второй месяц подряд. Вита поняла, что вновь беременна. Все ее ранее рожденные дети жили у многочисленных мамок в деревушке Кулаки, которая находилась во владениях фон Мааров. По истечению положенного срока дама Вита разрешилась от бремени, но жившая в замке повитуха объявила, что «ребенок-то дефективный». Так она и сказала, да Вита и сама знала, что с этим ребенком не все в порядке. Вита щедро расплатилась с кровницей – все равно сама у себя роды не примешь, а тайну сохранять надо, мало ли что фон Маару взбредет. После ее ухода, Вита встала, не зовя служанок, достала кусок холста и перетянула натуго грудь. Ребенок был слабеньким, но уже начал попискивать, требуя пищи. Она взглянула мельком на него с брезгливым любопытством и взяла в руки колокольчик. Прибежала верная служанка, мамка Нитха, ей и был поручен этот пищавший комочек мяса. Велено было подождать немного, если помрет и тогда думать не придется, что с этим младенцем делать. Если же выживет – отправить в Кулаки. Ребенок вроде был как ребенок, только личико такое сморщенное, и не похож был ни на Виту, ни на Сакса, ни на кого из ее

многочисленных любовников, кого бы она прочила в отца. Ручки слабенькие, ножки – как плети растений. Вита приказала вымыть себя. Надо сказать, что рожала дама Вита до неприличия легко, говорили, что благородные дамы должны мучиться дольше. А она же производила на свет своих многочисленных отпрысков с завидной легкостью. После мытья велела запрягать и собралась ехать в гости в соседний замок с визитом. В последнее время общительной Вите приходилось довольствоваться лишь бестолковыми юнцами-учениками для общения и любовных игрищ. Супруг уехал в Блангорру к Магистру, а в связи с ее деликатным положением общаться с кем-либо, кто не принадлежал к семье, было нельзя, не принято выставлять напоказ. Наскучавшаяся по обществу Вита укатила в долгую поездку – благо после родов можно уже было.

А мамка Нитха принесла завернутого в лохмотья младенца на кухню, где его выкупали и накормили впервые в жизни. Кормилицей стала жена дворника, Ирайя, которая недавно пополнила наследником и без того немалое семейство дворников. Ирайя тоже заметила, что ребенок какой-то странный, но кормила, деваться-то некуда, приказано же было. Насытившийся младенец довольно зевнул и уснул. А они подумали и назвали его Абрахамом, в честь отца Нитхи, который был хорошим человеком, только помер давно. И так и прижилось мальчику имя. Вел себя тихохонько, словно знал, что незваный гость он здесь. Незваный и нелюбимый. Сколько ждать дама Вита не уточнила, поэтому Нитха решила – пусть пока здесь поживет, а то в дороге помрет, грех такой на душу.

Нескоро вернулась дама Вита в замок. Пока все визиты нанесла, пока все сплетни переслушала да обсудила. Умело скрывала она свое истинное лицо, ни один из ее любовников не раскрывал тайны, какова же она на самом деле. Для соседей была дама Вита сама доброта и благожелательность, всегда готовая помочь и выслушать. Девушки поверяли ей свои сердечные тайны, добропорядочные матроны делились с ней своими опасениями про тех самых девиц. И с помощью всех этих добрых людей дама Вита вертела округой, как хотела, наговаривая одним на других, совращая мужей и женихов, если знала, что сойдет с рук. Объехав всех, наконец, после года отсутствия соизволила дама Вита вернуться домой. К тому времени, рожденный ею мальчик уже подрос и начал ходить, смешно ковыляя по двору на пухлых ножках. Разговаривать почему-то не мог или не хотел, молчал, разглядывая все вокруг удивленными глазами, странными какими-то, совсем не похожими на мирские. Он ходил следом за мамкой Нитхой, которая хотя и покрикивала на всех, но душа у нее была добрая, и она, исподтишка улыбаясь, смотрела, как ее питомец учится ходить. Мальчик, завидев кормилицу свою, Ирайю, пытался бежать следом за ней, растопырив в разные стороны ручонки, чтобы обнять, если догонит. Был мальчик добрым и послушным, для полного счастья у него было два человечка, которые заботились о нем и любили его.

Дама Вита и забыла давно, что у нее родилось дитя, и поэтому очень поразились, увидев какого-то странного ребенка, без дела шатающегося по двору. На этом счастливые дни для мальчика закончились. Вызвала к себе мамку Нитху, выпросила о малыше все, и отдала приказ отправить его в Кулаки. Мамка Нитха привязавшись к малышу больше, чем даже признавалась себе самой, в кои-то веки решила попросить милости и оставить мальчика при дворе. А в ответ получила лишь резкий окрик, госпожа уставилась на Нитху широко распахнутыми недоумевающими глазами:

– Ты пререкаться вздумала? Завтра же чтобы глаза мои его не видели!!! Пошла прочь, да распорядись, чтобы мне ванну приготовили, да ужин чтобы был горячим! Совсем распустились тут без меня! Разгоню всех или выпорю!

Перепуганная мамка кубарем скатилась с винтовой лестницы. И долго еще вслед служанке неслись ругательства и угрозы. Взвинченная началом сезона дождей и уставшая после дороги, дама Вита долго еще не могла успокоиться, не признаваясь себе, что взгляд, которым

одарил сын, почему-то напугал ее, и увидеть мальчика еще хотя бы раз было бы для нее страшной мукой.

Весь день мамка Нитха помнила о распоряжении госпожи, и к закату с тяжелым сердцем пошла искать возницу, который ездил из замка в деревню и обратно с разными поручениями. Знала она, что за мальчиком там никто не будет так ухаживать и заботиться, как это делала она, хотя и черкнула родственникам корявым почерком несколько слов. Потому что слишком он был необычен – странные глаза, глядящие в самое сердце, вечное молчание, собачья преданность тем, кого он искренне любил, привычка ходить следом – молча и бесшумно, без всякого злого умысла, но, все же пугая до икоты того, кого преследовал. Мамка да Ирайа-кормилица собрали скудное барахлишко мальчика, которому мать не потрудились даже дать имя. Уже стемнело, обычно мальчик в это время спал давно в комнате Нитхи, а тут словно почувствовал скорую разлуку. Нитха, закончив все дневные дела, спустилась в свою комнатку и увидела, как мальчик сидит на кровати, обняв исцарапанные коленки. А в глазенках – полно невыплаканных слез. Не выдержала тут Нитха, разревелась, сделавшись сразу доброй и шумной. Всю ночь просидели они, обнявшись, не сказав ни слова, в тишине и темноте. Нитха молила Великую Семерку, чтобы ее мальчика не обижал никто, спрашивала покоя для него. А как только рассвело, поднялась мамка, взяла малыша за доверчиво протянутую ручку и повела к возу. Усадила Абрашку поудобнее, рядом примостила узелок с вещами, в руки дала корзинку с еще теплыми лепешками и бутылем теплого молока. Наказав вознице приглядывать за малышом в дороге и пригрозив, если что вдруг случится с мальчиком, госпожа сдерет три шкуры. Приврав, конечно, немного, но возница знал, что в деревню ссылаются отпрыски госпожи и вдруг этот – особенный какой. Щелкнул кнут, и медленно поплелись неспешные коняки. Мальчик сидел и махал ручкой одной из двух женщин, которые любили его в этом мире, которые, старались, чтобы ему было тепло, сытно и вкусно, и чтобы никто не мог причинить ему боль. Воз удалялся и удалялся, скрывшись вскоре совсем из виду.

Дама Вита, оправившись от долгих и дальних дорог, пересидев дома сезон дождей, в который всем дамам не рекомендовали покидать кров, вновь заскучала. Супруг все еще был в столице близ друга своего Магистра. Только при муже могла она, не напрягаясь особо, выбирать себе любовников – вот, казалось бы, парадокс! Но, когда супруг был дома, к нему везли со всех окрестностей молоденьких мальчиков на обучение рыцарскому искусству. А среди них попадались такие ученики, что любо-дорого. Такие послушные, что лишней раз боялись даже вздохнуть в ее присутствии, пока не попадали в спальню. Многие, прошедшие «обучение» в ее объятиях, потом долгие годы не могли даже смотреть на женщин, ибо пресыщены становились за месяц всякими излишествами да игрищами. Доставить госпоже Вите удовольствие – это небыстро и нелегко... А некоторые так во вкус входили, что потом от них избавляться тяжело было, преследовали, докучали. И исчезали в неизвестность, дама Вита не любила таких свидетелей.

В захолустном замке царила скука, занять себя нечем. При дворе одни служанки остались, несколько стариков, совсем уж некультяпистые, которые еще ползали по двору, выполняя свои обязанности. Всех более-менее молодых слуг забрал фон Маар с собой в столицу. Поскучала-поскучала госпожа, велела готовить экипаж в дорогу: «Поеду-де на свидание к мужу, соскучилась уже, сил нет»

Долго ли, коротко ли ехали они, но вот подъехали к Речному перекрестку, что недалеко от Блангорры. Увидела дама Вита большой темно-синий походный шатер, суетню вокруг, холеных коней на привязи, затрепетала аж в ожидании встречи, заблестели глаза, стала улыбка кокетливо-наивной. Любила она рыцарей за их неутомимость, женщины в походах редко сопровождали, поэтому становились воины охочи до утех и быстро соглашались на любые развлечения. Выходили такие пойманные путешественники-рыцари от дамы Виты, пошатываясь и глупо улыбаясь через сутки, а то и через двое.

Где-то неподалеку погромыхивала гроза, пришедшая совсем не во время, сезон дождей миновал давно. Медленно подъехала госпожа фон Маар со своими сопровождающими к шатру, послала герольда возгласить о приезде благородной госпожи и ее свиты. Откинулся полог шатра и вышел на свет молодец. Ах, какой молодец! Красив, статен, молод – главное, молод, можно даже сказать юн. Рыжекудр, синеглаз, румянец во всю щеку. Вышел, ожег глазами, брызгами синими. Протянул мускулистую загорелую руку, помог выйти из экипажа и склонился в низком приветственном поклоне. Дааа, у Виты перехватило дыхание, до чего же хорош! И достойный противник – это вам не совращать незрелых мужниных учеников, и не кокетничать с только что вернувшимися из похода жадными до утех вояками, с которыми никакой игры не выходило – сами тащили в койку без всяких предисловий. Этот же красив, явно умен, воспитан и точно не обделен женским вниманием. Дама, подрагивая от охватившего ее желания, покачивая бедрами, всплыла в шатер.

– Чем могу быть полезен? Встретить благородную прекрасную даму в таком захолустье – это такая редкость. Не разделите ли со мной трапезу? – голос бархатисто-низок, немного тягуча речь, но такой равнодушный тон, от которого у Виты все нутро встрепенулось.

– Не откажусь, проделали мы долгий путь. Я еду на встречу с любимым супругом, он сейчас при дворе Магистра советником. Вызвали уж много времени тому назад, истомилась по нему в тоске. Вот и решилась на столь дальний путь да с такой малой свитой, – Вита подпустила в голос меду и томности, а взгляд стал еще более чарующим.

Рыцарь и его спутница прошли к богато накрытому на две персоны столу.

«Ага, ждал кого-то, не иначе. Ну, вот и дождался. Такого экземплярика в моей коллекции еще не бывало. Хорош, до чего же хорош», – благородная дама вся горела в ожидании долгожданного приключения и не сводила искрящихся глаз с рыцаря. Да, посмотреть было на что, при ближнем рассмотрении и вовсе ослеплял: высок, узкобедр и широкоплеч, яркосиние глаза, шапка непокорных рыжих кудрей. Даже неопытным глазам было видно, что и воин первостатейный, храбрец-удалец. Смущала лишь какая-то похожесть с кем-то из знакомых, покопавшись в памяти, Вита так и не смогла вспомнить, кого этот юный рыцарь ей напоминает. На этом и выкинула из мыслей. Изголодавшись по любовным утехам, Вита решила, что он обязательно будет принадлежать ей еще до заката. Она уже представляла его обнаженным, а потом представила измотанным, с утомленно-блаженной улыбкой, влажной от любовных игр гладкой кожей. Просящий пощады, шепчущий нежности, а поутру согласившийся быть в ее свите и умоляющий сделать его своим рабом... после чего мужчины становились ей неинтересны. Рыцарь что-то спросил, а она сидела с затуманенными от страсти глазами. Рыцарь повторил.

И тут она очнулась:

– Ой, простите, вспоминала свое путешествие из монастыря в замок к будущему супругу. Я была так перепугана, не знала, что меня ждет в будущем, – и довольно правдоподобно залилась краской.

Обед прошел в мирной обстановке, дама Вита была в ударе, шутила, рассказывала об учениках мужа, была такой милой, что, если не влюбиться, то захотеть ее должен был любой. Но, как оказалось, юный Кеннет был устойчивым к такого рода воздействиям. И по окончании обеда приказал слугам убрать все и поинтересовался, как скоро отправится дама в путь, обосновав свою торопливость занятостью и скорой, давно запланированной встречей с братом.

Дама Вита недоуменно подняла брови:

– А я думала, что мы продолжим путешествие с вами вместе, и уж было обрадовалась, что под защитой такого бравого рыцаря я могу ничего не бояться, – пыталась сыграть на благородстве юноши и их дурацком кодексе, чтобы выиграть еще немного времени. Она захватила с собой напиток, который подливала в пищу строптивым ученикам, превращая их в податливую глину, из которой она лепила вечных своих рабов, молящих о снисхождении к ним. И жалела уже, что не представилось возможности подмешать зелье во время обеда.

– Простите, благородная дама, как я уже упоминал – назначена здесь встреча моему брату, поэтому и не могу вас сопроводить в вашем путешествии. Дальнейший мой путь зависит от того, как закончится наше randevu. И встреча эта должна пройти с глазу на глаз, потому что, боюсь, я сильно задел самолюбие своего брата и, возможно, он будет несколько резок, а мне бы не хотелось, чтобы вы слышали те слова, которые он может захотеть мне сказать. И поэтому, я могу лишь указать вам дорогу, по которой вы можете появиться в столице наиболее скоро, и ваш путь будет безопасен. Я очень прошу вас отправляться немедленно. Надеюсь на нашу встречу в более благоприятной обстановке, которая позволит нам продолжить наше столь приятное знакомство и насладиться общением.

Все, Вита поняла, что ее замысел раскусили, что не видать ей сегодня обнаженным этого молодца. Он попросту отсылает ее, что какая-то встреча с братом – а тут он правду говорит – важнее, чем она, чем ее нежный голос, гортанный смех, кокетливые жесты, влажный блеск в глазах и обещание всех мыслимых и немыслимых удовольствий. Ее – красавицу, которая лишь поманив пальчиком, могла уложить в свое ложе любого – лишь бы что-то мог, отправляли восвояси. Она холодно попрощалась, и величественно, как ей показалось, удалилась в свою карету.

Кеннет вышел на порог шатра и, улыбаясь, проводил даму в путь. Она, не промолвив ни слова, лишь холодно кивнув на прощание, отправилась в путь. Вскоре шум путешественников затих вдаль, и рыцарь вернулся в свое временное жилище, где велел снова накрыть стол.

Синий шатер исчез из виду, а дама Вита молча сидела в карете, сжав кулаки так, что на ладонях вскоре выступили порезы от ногтей, и закапала кровь. Никто из ее спутников не осмелился сказать ни слова, зная бешеный нрав своей госпожи. Камеристка забилась в угол и сидела, затихнув, лишь внимательно следя глазами, полными слез. Она помнила, что когда-то был такой ученик, который не оказал, как говорила госпожа, ей должного уважения, потом камеристка не могла сесть целую неделю. Госпожа ее выпорола, потом призвала дворника и старшего грума, которые должны были овладеть служанкой на глазах у госпожи. Те с удовольствием приступили к делу, ибо девушка была молода и хороша собой. Дама следила за процессом сухими блестящими глазами, а потом когда ей показалось, что служанка начала входить во вкус, схватила ее за волосы и приказала убираться вон. Что случилось в спальне благородной дамы дальше, камеристка могла только предполагать. Видела лишь потом, что грума уносили на носилках, прикрыв ему лицо. Была она девочкой молоденькой и совсем неискушенной еще, приехав из Кулаков. Воспитывалась в страхе и покорности, и по приезду в замок, сразу попала в услужение к госпоже. Слуги тоже молчали, не осмеливаясь даже поднять взгляда на благородную даму. Гроза, сопровождавшая их почти весь путь, стала слышна уже сильнее. Подул сильный ветер, взлохмативший все деревья вокруг, вздыбил воду в реке, текущей рядом с дорогой. Ветер все усиливался, сильно похолодало. Станные изменения в погоде напугали всех, кроме дамы Виты, которая и не заметила их, погрузившись в свои думы, горя желанием отомстить. Как она не замечала тягостного молчания своего сопровождения. Возница вдруг страшно закричал, раздался сильный треск, затем треск падающих деревьев. Карета остановилась, слуги выскочили наружу, чтобы узнать, что случилось. Дорога была завалена сломанными деревьями, начинался ледяной дождь. Продолжать путь дальше было невозможно. Слуги пошли искать убежище, в котором можно было переждать так не во время начавшуюся грозу. Неподалеку виднелись полуразрушенные холмы, в которых была масса пещер, очень удобных для убежища. Судя по картам, там была и легендарная Пещера Ветров, которая всегда возбуждала любопытство. Путешественники свернули туда, распаковавшись и обустроив временное жилище. Нужно было лишь пригласить теперь госпожу. Но тут возникла заминка. Никто не хотел рисковать и попадаться первым под горячую руку. Все уже испытали на себе бешеный нрав благородной дамы. Бросили жребий, пришлось пажу идти к госпоже. На удивление мгновенной вспышки не последовало, и они оба вошли в пещеру. Дама прилегла на сооруженное

для нее ложе и приказала налить вина. Выпив чашу, увидела жавшуюся в самый темный угол служанку. Тут что-то полыхнуло в глазах Виты:

– Иди сюда, что ты там прячешься. Натворила чего? Только виноватые чувствуют себя так, что глаза опускают и в углах таятся.

Камеристка подошла, робея, госпожа взяла ее руку и сунула себе между ног:

– Я думаю, что ты знаешь, что должна сделать. Мне должно быть так хорошо, чтобы вы все остались живы! И чтобы я смогла забыть того высокомерного юнца с перекрестка, – голос ее возвысился до крика.

– Все вы, а ну-ка, идите сюда. Я хочу, чтобы вы все ублажали меня, пока я этого хочу.

Жить хотелось всем. Поэтому пещера скоро наполнилась сладострастными вздохами и вскрикиванием. Дыхание госпожи становилось все учащенное, и постанывала она уже почти непрерывно. Вот ее тело напряглось, она вскрикнула и выгнулась дугой:

– Не останавливайтесь, хроновы дети, продолжайте, если хотите жить, – голос стал хрипловатым, как у горных кошек в период случки.

Один за другим обессилели слуги, а ей все было мало и мало. И вот уже все лежали возле ее ложа на каменном полу, вымотанные донельзя, телами дрожали, обливались потом, задыхаясь.

Разгоряченная, обнаженная, но все еще неудовлетворенная, она приподнялась, увидела окружающие ее тела. Что-то сверкнуло в ее сознании, и она поняла, что ей нужна их кровь, вся их кровь, для того, чтобы унять этот пожар, все еще полыхавший в ее чреслах. В ярости схватила нож и склянку с темной, отливающей багрянцем жидкостью с ядом, пошла босая, по устилавшим дно пещеры камням, не чувствуя боли от впивающихся в нежные ступни мелких острых камушков. Что там творилось далее – скрыла милосердная пещерная тьма. Слышны были стоны, вопли, крики, сменяющиеся предсмертными хрипами. Продолжалось все это некоторое время, потом послышалось женское учащенное дыхание, короткий вскрик, долгий стон удовлетворения и потом все стихло окончательно.

Полежав некоторое время, чтобы прочувствовать истому, которая теперь переполняла все ее существо, дама Вита встала, вытерла кровь с лица, привела одежду в порядок – в пещере, несмотря на пылающий костер, все-таки было прохладно, решила перекусить. Все эти любовные баталии так изматывают, потом голод наступает сразу. Пошла к костру, брезгливо приподнимая подол платья, когда приходилось переступить через трупы. Увидела, что вышколенные слуги, ныне покойные, были на высоте – стол накрыт и еще теплые блюда стоят на нем. Присела и среди всей этой бойни начала вкушать свой ужин. В наступившей тишине стало слышно, что бушует за пределами пещеры гроза, круша деревья, заливая водой окрестности. Раскаты грома, больше похожие на оглушительный рык неведомого зверя, сотрясали все вокруг. Внезапно вода и да вообще все жидкости в пещере стали похожи на что-то твердое и прозрачное. Кровь и вино в кубках стали кусками алого стекла. Дама Вита вспомнила, что эта штука называлась «лед» и была крайне редка в Море, не стала даже задумываться над странностями нынешнего вечера, она уже успела и перекусить и утолить жажду. Зачем забивать свою голову какой-то непонятной дребеденью? Находиться в этой пещере ей наскучило, путь дальше продолжать было невозможно – надо возвращаться в замок, чтобы подобрать достойное сопровождение. Поэтому она взяла факел, зажженный заботливыми, теперь уже холодными руками, и решила пойти посмотреть, что там в пещере дальше. Наслышана была дама Вита о Пещере Ветров, а тут случай выпал побывать в ней, да еще и одной. Если вдруг найдется сокровище какое, то и делиться не надо ни с кем. Вот это было бы гораздо более интересно, чем какая-то странная гроза или там попытка похорон трупов слуг. Сами виноваты, не могли ей угодить – так и жить им незачем. А трупы – что ж их до хронова явления никто и не найдет, пусть лежат, кто найдет, тот пусть и хоронит. И весовщики, если нос свой сюда сунут – им Магистр быстренько его

укоротит: однажды гостил великий пастырь в замке у Мааров, и дама смогла достойно развлечь высокого гостя.

Следующая пещера была немного ниже, чем та, в которой встретили свою последнюю в жизни грозу слуги Виты. Факел вызывал причудливую игру теней на стенах, которые были испещрены промоинами от потоков мерно стекающей воды и изукрашены известковыми наростами. В глубине наросты становились все иглистее и острее, а тени становились пугающе реальными и подвижными. Временами обзор закрывали клубы какого-то подпочвенного пара, вырывавшиеся из расщелин. Чем дальше вниз, тем больше становилось воды, которая снова стала жидкой, после того странного раската грома. Вода стекала под ногами и весело журчала в полумраке пещеры, сливаясь в небольшую речку, струи которой бежали рядом с песчаной тропкой, словно специально проложенной для босых ног. Прохлада мелкого речного песка успокаивала израненные ноги Виты, которая с удивлением обнаружила, что оставляет кровавые следы на тропинке. Но удивление длилось совсем недолго, пройдя еще немного вперед, Вита и думать забыла о таких мелочах. Путь вел все время вниз, и Вита уже было подумывала вернуться, как вдруг заметила впереди какой-то отблеск. Чуть дальше она увидела пещерное озеро, берегов которого в темноте не различить. Что-то противно хрустело под ногами, снова начав колоть босые ноги. Это нечто, при ближайшем рассмотрении оказавшееся костями, которых валялось много, очень много – полуистлевших и совсем свежих, неподалеку лежал неразложившийся труп какого-то купца. Мокрый такой труп, вонял нещадно. Вита постаралась обойти мерзкое тело подальше.

Берега подпочвенного озера усеивали странные камешки, вроде тех, в которые превращались недавно вода и вино, прозрачные и разноцветные. Отблескивали в тусклом свете факела. Вита подобрала несколько из них, подойдя поближе к воде. Поднеся свет поближе к находке, дама осознала, что она стоит на несметных сокровищах. Под ногами лежали все сплошь драгоценные камни, а то, что высверкнуло во мраке пещеры – это было золото, из которого были созданы стены и куски которого, отколовшись, валялись рядом. Вита упала на колени и стала ползать вокруг, собирая кучу камней и, блаженно шурясь, сортировала их по цветам. Как настоящая повитуха, она-то уж знала цену таким камешкам, не хуже любого астронома, купца или весовщика. Подтащила поближе к себе все куски золота, которые видела и смогла сдвинуть с места, соорудила нечто вроде лежанки из золота, усыпанной камнями. Становилось все темнее и темнее, факел догорал. Вита огляделась, собрала какие-то щепки, тряпье и зажгла костерок, в который подбрасывала и подбрасывала хлам, который валялся вокруг. Разгоревшись, пламя осветило озеро. Вита, спустившись к воде поближе, освежила пылающее лицо. Затем развернулась и вновь продолжила складывать и перекладывать алые, зеленые, золотистые, лиловые, ярко-синие, желтые, полосатые самоцветы. Казалось, кладовая эта бездонна. В мыслях замелькало, что надо будет заприметить место, да охрану прислать, да земли окрест выкупить – ох и завертелось все. И ведь знала, всегда знала, что будет она особенной, правительницей будет, что ей Прима, подумаешь, цаца какая, откуда появлявшаяся даже никто не знал – ловкий удар – и нет этой цацы! Убийц подослать можно и к обоим правителям, наследника, если объявится с проклятьем этим драконовым – убить тоже. Потом развернется она, кастырям сунуть по камешку, да и придумают какое-нибудь новое предсказание, что мол, вот Вита теперь будет править Миром, а потом и всю Зорию подмять можно. Будоражающие мысли мелькали, не успев иногда даже хоть как-то связно оформиться. Вита уже не складывала камни, а бездумно бегала по пещере, не в силах совладать с охватившим ее возбуждением. Собраться бы с духом уже, да бежать, бежать в замок и осуществлять планы свои дерзкие, да вдруг, поглядев вокруг на окружающее великолепие, поняла, что не может вот так бросить и уйти. Села на собранную кучу, потом прилегла на нее, полежала, стараясь успокоиться, и как-то незаметно уснула, тревожнения и усталость прошедшего дня сделали свое дело. Костерок

постепенно затухал, вековая тишь и мрак снова обосновались на берегах подпочвенного озера.

Проснувшись, Вита сладко потянулась, нежась ото сна. Ощущение легкости и какого-то неизведанного удовлетворения не пропало, хотя все тело ломило от непривычного ложа. Она огляделась вокруг, было темно, лишь слышался легкий шорох волн о камни. Вита выругалась, вспомнив крепкие словечки, которыми сыпал ее свободнорожденный папаша, увидев, что костер давно погас. А потом еще и голод начал давать о себе знать. Она встала, осторожно спустилась со своего не очень удобного лежбища – не хватало еще повредить себе чего-нибудь перед такими великими свершениями. В глубине пещеры увидела какой-то свет, подумалось – а не выход ли это? Пошла потихоньку, держась за влажную, склизкую стену, но делать нечего в таком мраке, не ровен час и упасть можно, и пораниться – Вита отчетливо помнила о мертвяках, валявшихся тут повсюду. Фууу, ну и воняли же некоторые из них, как только уснуть ей удалось – на такой твердой постели, в холоде и вони. В окутавшей ее темноте дама Вита – краса и гордость всего округа, жестоко каравшая своих близких за малейшее нарушение приличий, могла, наконец, стать той, кем она была на самом деле. Она стала вульгарной, жадной до всего, похотливой, уже начавшей стареть, но твердо решившей в этом не признаваться и готовая убить за напоминание о малейшей морщинке. Да, да и она не забыла того задаваку-рыцаря, который посмел ей отказать в том, чего она так хотела – всего-то в нескольких минутах утех – подумаешь, недотрога. Вита и про него не забудет, когда она станет Прямой Мира – она прикажет его найти, и будет пытаться сама, собственноручно, за что – уж найдется. Представить только – купать руки в его алой крови и слушать его крики – от этой сладкой мысли и подступившего неодолимого желания глаза Виты заблестели ярче разбросанных самоцветов. И вот кралась прекраснейшая нежнейшая дама Вита, которая по коврам-то ходила не иначе, как в меховых тапочках, во мраке, босая, с разодранными ступнями, перемазанная высохшей кровью убитых ею слуг, ломая ногти об скалу, пачкая руки об слизь, в обилии сочившуюся с камней. Источник света приближался мало-помалу, вожделение не отступало – перед глазами так и виделась отрезанная голова того рыцаря, на которую она будет любоваться, когда она будет шалить с какими-нибудь двумя-тремя дюжими безотказными жеребцами.

И вот уже вокруг стало совсем светло – но выхода так и не было. Свет стал даже слишком ярким, Вита заморгала, заслонив глаза рукой. Переход из тьмы на свет был слишком резок. А то, что она увидела, было слишком неправдоподобным. Свет лился в дыру вверху пещеры. В водах озера плескался преогромный дракон, немusыкально мурлыкая какую-то песенку себе под нос. Ноги Вите отказали, и она со всего размаху села на камни. Обратив невольно внимание, что здесь лежали просто булыжники самоцветов – уже отшлифованные бриллианты, изумруды, рубины, еще какие-то, перемежаясь с золотыми самородками, величиной с голову взрослого мужчины. Дно озера, в пределах видимости, было устлано золотым песком. На берегу валялось видимо-невидимо драгоценных камней. Вита остолбенела и, вытаращив глаза, озиралась по сторонам. Дракон, вернее, как выяснилось, самка, наконец, соизволила прервать процедуру помывки и обратить внимание на пришедшую.

– О! Привет. А я тебя уж тут заждаюсь, и помыться решила, пока никто не тревожит. А то ведь знаешь, как бывает. Только соберешься, а тут как тут – то рыцари, странствующие во имя кого-то, зарубить норвят, то кладоискатели с ломками да топориками шастают. Никакого ведь покою нет. А начнут на мои камушки покушаться – тут я прямо зверею, и начинаю крушить все и вся. Я думаю, что ты меня понимаешь?! Иногда от дракона какого прилетишь, так и помыться спокойно не дадут, так потом ходишь и думаешь, снесешься или нет. Ты же в курсе? Спинку не почешешь? Да, ладно не напрягайся, я твоих коготков и не почувствую.

С этими словами дракониха подплыла к утесу, торчавшему из воды неподалеку, целиком сложенному из сияющих аметистов, и с видимым наслаждением начала чесаться, словно невиданных размеров кот, прикрыв все свои десять пар глаз от наслаждения. И только тут

Вита заметила, что у драконихи пять голов – все разного цвета – белая, черная, зеленая, синяя и красная; разговаривали все по очереди, только голос одинаковый, поэтому сразу и не дошло, что это разные глотки извергают фразы. Сияние, освещавшее эту часть пещеры, исходило от чешуи драконихи, переливавшейся всеми цветами радуги в солнечном свете. Оно освещало драгоценное великолепие, многократно увеличивалось в нем и дробилось, освещая стены золотой пещеры, в свою очередь отдававшими весь свой свет воде, которая тоже переливалась изумрудными и бирюзовыми бликами. Вита начала уже отходить от первоначального шока. Странная она была, мало, что ее могло удивить. Кроме, как оказалось, увиденного дракона. Дракониха поплавала еще некоторое время, резвясь в прохладных волнах. Потом выплыла на берег, с чешуи на камни скатывались, подобно жидкому золоту, капли воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.